

В одно мгновение

Автор:

[Сьюзан Редферн](#)

В одно мгновение

Сьюзан Редферн

Trendbooks

Жизнь шестнадцатилетней Финн Миллер оборвалась в одно мгновение. Девушка оказалась меж двух миров и теперь беспомощно наблюдает за своими близкими. Они выжили в той автокатастрофе, но оказались брошены в горах среди жестокой метели. Семья и друзья Финн делают невозможный выбор, принимают решения, о которых будут жалеть долгие годы. Отец девушки одержим местью и винит в трагедии всех, кроме самого себя. Ее лучшая подруга Мо отважно ищет правду, пытаясь понять, что на самом деле случилось в роковой день аварии. Мать Финн, спасшую семью от гибели, бесконечно преследует чувство вины. Финн наполняют жажда жизни и энергия, ее голос звучит чисто и ярко. Это голос надежды на второй шанс, наполненный огромной любовью и верой в то, что мир – хорошее место.

Сьюзан Редферн

В одно мгновение

Посвящается Хэлли

Оригинальное название: In an Instant

Text Copyright © 2020 by Suzanne Redfearn

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

Изображение на обложке Carolyn Lagattuta, изображение использовано с разрешения <https://www.stocksy.com/2883710/nestled-fog-and-pink-sky>

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2022

Пролог

Миссис Камински знала. Знала заранее.

До того дня мы считали ее психичкой, параноидальной мамашей, да попросту ненормальной. За глаза мы называли ее надзирательницей и сочувствовали Мо, ведь ей приходилось мириться с тем, что ее мать всего боится, что у нее навязчивые идеи. Миссис Камински не просто берегла дочь – она ее от всего ограждала. Мо разрешалось пойти на день рождения, который устраивали у бассейна или на пляже, только если у воды дежурил спасатель, а на праздник приглашали еще и саму миссис Камински – тень женщины за сорок, что караулила дочь на песке или у бортика, не спуская глаз с буйствующих двенадцатилеток. О поездке в Диснейленд Мо даже мечтать не могла. При этом по виду миссис Камински – худенькой, тихой женщины ростом чуть выше полутора метров – никак нельзя было сказать, что она так сильно трясется над Мо.

Мы тайком шептались о том, что миссис Камински в детстве наверняка пережила что-то ужасное и потому так опекает свою дочь, но Мо сказала, что дело вовсе не в этом. Просто ее мама уверена в том, что никто не станет следить за чужими детьми так же, как за своими собственными. Мо вообще вела себя по отношению к матери очень благородно и на удивление терпеливо. Никто из нас не вынес бы, если бы наши матери вмешивались в нашу жизнь так, как миссис Камински – в жизнь Мо.

Когда мы учились в шестом классе, ее решимость наконец дрогнула, словно гранит заменили на чуть более податливую сталь. Все шестиклассники, за

исключением Мо, собирались на школьный урок-экскурсию по естествознанию. Учительница позвонила миссис Камински, потом директору, потом моей маме. И мама сумела ее убедить. Мой отец должен был поехать вместе с группой и обещал лично присмотреть за Мо. Возможно, она тогда сдалась потому, что доверяла моим родителям, или потому, что та экскурсия была важной частью школьной программы. А может быть, она просто поняла, что не сможет всю жизнь держать дочь в поле зрения. В любом случае впервые в жизни двенадцатилетней Мо было позволено покинуть гнездо без мамы.

С тех пор миссис Камински регулярно доверяла нам свою дочь, и всякий раз мои родители считали своим священным долгом уверить ее: «Мы за ней приглядим», «С ней все будет в порядке», «Мо нам как родная». В последнее время я без конца вспоминаю все эти банальности, гадая, могли ли пустые, беспечные заверения спровоцировать случившееся или они все же не имели никакого смысла и произошедшее было неотвратимо.

После той памятной экскурсии меня тоже часто вверяли заботам миссис Камински. Правда, мои родители никогда не требовали гарантий того, что со мной ничего не случится. Мо – единственный ребенок в семье, так что меня брали за компанию в каждый их семейный отпуск. Я побывала в Африке и в Испании, в Таиланде и на Аляске. Мои родители охотно и без колебаний принимали все приглашения, не требуя взамен никаких громких обещаний – вроде тех, что давали мы, забирая Мо. Возможно, они считали, что эти обещания обоюдны. Или же в глубине души знали, что не получат подобных уверений и тогда им придется отказаться от приглашения. Я думаю, мои родители понимали, что миссис Камински тщательно проанализировала собственные страхи, заранее обдумала, как поведет себя, оказавшись в рухнувшем здании, у извергающегося вулкана, на тонущем корабле, и пришла к выводу, что в ситуации, когда ей придется сделать страшный выбор, она выберет собственного ребенка. А значит, даже несмотря на то, что мы с Мо были как родные, меня все равно спасли бы второй.

Я с самого детства помню, как мои сестры, подруги, да и я сама, закатывали глаза, едва услышав имя миссис Камински. Мы все считали ее ненормальной.

Теперь никто больше не думает, что она ненормальная.

Она знала. Заранее. И я никак не могу понять откуда. Может, она провидица? Может, у нее особый дар? Может, она что-то предчувствовала? Или же Мо

говорила правду и это была рациональная, четко продуманная позиция, в основе которой лежала уверенность в том, что никто не станет следить за чужим ребенком так же, как за своим собственным, и, если придется делать выбор, чужого спасут вторым?

Вот о чем я думаю теперь. После всего.

1

«Еще раз спросят, какая лента лучше, розовая или золотая, и я сорвусь! ДА ВСЕМ ПО ФИГУ! Решите уже, а? Я ТУТ ПОМИРАЮ!!!»

Ответ от Мо приходит почти мгновенно: «Похоже, тебе там весело!»

Выдрать зуб и то было бы проще. Эта пытка длится уже целых пять месяцев. После объявления о помолвке моей сестры все мельчайшие подробности ее свадебной церемонии без конца, до тошноты препарируются, изучаются и обсуждаются, при том что до великого дня еще три месяца. До тошноты. Какое точное выражение и как нечасто мы его используем, а ведь сейчас лучше и не скажешь: от этих приготовлений меня вот-вот вырвет.

Сегодня пятница. Стоит чудесная, ясная погода. В такой день лучше всего торчать на пляже с друзьями, кататься на сёрфе или на скимборде. Но вместо этого я, вжавшись спиной в стену, сижу на полу примерочной в салоне для новобрачных и смотрю, как моя сестра демонстрирует собравшимся – то есть мне, поневоле записанной в ее свидетельницы, маме и тете Карен – свое свадебное платье. Другой нашей сестры, Хлои, здесь нет. Где-то через неделю после помолвки она ненароком обмолвилась, что институт брака – это устаревший патриархальный конструкт, служащий угнетению женщины, и незамедлительно лишилась должности свидетельницы, а я, напротив, пошла на повышение.

Интересно, где она сейчас? Скорее всего, они с Вэнсом гуляют по центру города, держась за руки, наслаждаются теплом и солнцем, то и дело останавливаются и целуются. Я едва сдерживаю стон зависти и восхищения: уже не в первый раз я думаю, что это наверняка была не просто обмолвка. Хлоя – мастер в подобных делах. Она всегда добивается своего, а я точно знаю, что ей ни при каких обстоятельствах не захотелось бы провести целых восемь месяцев бок о бок с мамой. Получается, она сделала все возможное, чтобы этого избежать.

Я хмыкаю, вдруг осознав, насколько тонко все было сработано: моя сестра обеспечила себе свободу, хотя сама ни от чего не отказывалась, и чужими руками переложила на мои плечи бремя стать сподвижницей Обри. Представляю, как Хлоя самодовольно ухмылялась, продумывая свою гениальную схему. А ведь она знает, как сильно я ненавижу подобные мероприятия: я хожу по магазинам, только если у меня напрочь закончилось чистое нижнее белье; знает, что не в моем – в целом открытом и жизнерадостном – характере восемь месяцев подряд вести разговоры о шмотках с неестественно счастливой, всеодобряющей улыбкой на лице.

– Что думаешь, Финн? – спрашивает Обри, вынуждая меня поднять глаза от экрана телефона, где как раз показывают подборку забавных мемов с животными. Я отрываюсь от картинки, на которой кот, сидя верхом на хаски, кричит, указывая лапой на убегающую мышку: «Не упusti ее!»

Я моргаю, и натянутая улыбка сходит с моего лица, а в горле вдруг встает ком. Хотя я терпеть не могу все эти кружева, свадебные хлопоты и прочие девчачьи радости, в груди набухает целый ворох совершенно девочкиных чувств. Вот уже две недели Обри квохчет о своем платье, без конца трезвонит о том, какое оно идеальное. Обычно я пропускаю мимо ушей ее трепотню – атласное то, шелковое сё, какой-то рубчик тут, нитки жемчуга там, ювелирный вырез сям. И вот теперь она стоит или скорее возвышается надо мной на шпильках, в волнах желтовато-белого, мягкого, словно текучего атласа, сбегających вниз от ее до невозможности тонкой талии, в потоках крошечных жемчужинок, что вихрем раскатываются, разлетаются от того самого ювелирного выреза и напоминает мне сказочную принцессу, самую добрую и прекрасную волшебницу в мире. Я с изумлением отмечаю, как она хороша, а еще, кажется, чуточку ей завидую.

Стоящая за спиной у Обри мама хлопает в ладоши. Тетя Карен обнимает маму за плечи, и они склоняются друг к другу, любуясь моей сестрой, почти соприкасаясь одинаковыми пепельно-светлыми головами.

– Мило, – бросаю я, словно мне плевать, и снова утыкаюсь в телефон.

Черная собачонка косится на подтаявший ярко-желтый фруктовый лед, рядом надпись: «Мозгозаморозка». Улыбнувшись, я продолжаю листать фотографии, пока мама с тетей Карен кудахчут и выются вокруг Обри, а она поворачивается и так и эдак, чтобы они получше рассмотрели платье.

Тетя Карен встает рядом со мной.

– Давай их сфотографируем! – восклицает она. – Обоих!

Я обмираю от ужаса, представив себе, как стараниями тети Карен мои фотографии разлетятся по «Фейсбуку». И ведь она непременно подпишет под ними что-нибудь нелепое вроде «Обри и Финн Миллер, красавица невеста и будущая невеста-беглянка».

– Нет, – выручает меня мама. – Дождемся церемонии. Нельзя фотографировать невесту в подвенечном платье до свадьбы, это плохая примета.

Я с облегчением выдыхаю и отодвигаюсь от Обри, словно даже одно мое присутствие может ее испачкать. Она улыбается мне, одними губами произносит: «Спасибо!» – и снова поворачивается к наседкам; этап восхищения уже миновал, и теперь они суетятся, обсуждая, где и что еще нужно подогнать по фигуре.

Я чувствую, что у меня горят щеки, и велю себе успокоиться. Обри уже поблагодарила меня, наверное, миллион раз, хотя все дело выеденного яйца не стоило. Мой разговор с ее будущей свекровью продлился не больше пяти минут, к тому же миссис Кинселл все восприняла совершенно спокойно.

Я вообще не стала бы звонить, если бы Обри не была так расстроена. Я-то решила, что свадебное платье самой миссис Кинселл – «классический крой, вышивка старинным бисером, кружевной воротник в викторианском стиле, атласные пуговицы вдоль спины» – отличная идея: классно, что платье послужит представительнице уже четвертого поколения. Но Обри чуть не плакала, повторяя эти слова, и я решила, что, хотя мне явно не по плечу все прочие обязанности подружки невесты, по крайней мере с этим я справлюсь. Мо

говорит, у меня особый дар к таким разговорам – моя прямота по какой-то неведомой причине никогда никого не обижает. Мне кажется, дело скорее в том, что обычно люди все слишком усложняют. Если просто сказать как есть, правых и неправых не будет. Вначале миссис Кинселл слегка удивилась, но тут же дала понять, что ничего не имеет против. Она даже призналась мне, что и сама в свое время хотела выйти замуж в собственном, пошитом лично для нее платье.

Наверное, она позвонила Обри сразу после того, как мы с ней все обсудили, потому что сестра перезвонила мне через полчаса и засыпала благодарностями. И вот теперь, спустя пять месяцев, она крутится перед зеркалами, любуясь собой, а я радуюсь, что тогда все-таки поговорила с миссис Кинселл.

Прямо у меня перед носом тетя Карен приподнимает рукой свои пышные груди четвертого размера и восклицает: «Жарче, детка!» – намекая Обри, что вырез можно было бы сделать побольше. Мама мотает головой, а Обри кивает, лопоча что-то в том духе, что Бену понравится, и в этот миг я их фотографирую: их смех заглушает тихий щелчок телефонной камеры.

Я смотрю на экранчик: все они весело хохочут, счастливые лица слегка смазаны, в зеркале отражается платье, лицо Обри озарено улыбкой, мама и тетя Карен сияют ей под стать. Я отправляю фотографию Мо, приписав: «Она просто красавица!» – и добавляю кучу сердечек и смайликов.

Фотография уползает вверх, появляется ответ от Мо: «Да ты у нас тайный романтик. Кстати, ты решилась?» Я несколько раз растягиваю и снова сжимаю губы, перечитывая ее вопрос, словно надеясь, что сверкающие пиксели пошлют мне какое-нибудь озарение – может, ответ или храбрость, которой с тех пор, как я призналась Мо, что хочу пригласить на выпускной бал Чарли Маккоя, у меня так и не нашлось. Там будет белый танец: в прошлом году партнера у меня не было, я пришла с другими девчонками – слишком скромными, слишком гордыми или слишком страшными, – тоже оставшимися без партнеров. Мы нарядились в платья и кеды, повергли собравшихся в шок своими дикими, неистовыми плясками, а после танцев пожирали шоколадки, глумясь над остальными девицами, которые едва держались на высоченных шпильках и неловко улыбались своим парням, с тоской поглядывая на запретные калории, что были разложены перед ними словно на пыточном столе.

Я была уверена, что и в этом году повторю тот же трюк, но потом появился Чарли. Я словно сама себе его наколдовала. «Дорогой Боженька, пожалуйста,

пришли мне высокого, красивого, зеленоглазого, немного неловкого парня-футболиста». И вот – та-дам! – как раз такой парень и оказался со мной в одном классе на первом же уроке в первый же день учебного года.

– Финн, очнись. – Обри бросает мне мою толстовку, и я понимаю, что она уже успела переодеться в уличную одежду, а значит, нам пора.

Я выхожу из примерочной следом за Обри. Мама с тетей Карен задерживаются у кассы переброситься парой слов с владельцем магазина, а мы идем прямо на улицу. Обри тут же вытаскивает телефон и звонит Бену. Она восторженно пищит и хихикает, описывая ему сначала платье, а потом наряд, который наденет на встречу с его родителями. В ближайшие выходные они с Беном летят в Огайо, чтобы Обри поближе познакомилась с будущими свекром и свекровью.

– Я люблю тебя. – Она вешает трубку. Сует в рот наманикюренный палец, вгрызается в заусенец.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

– Нервничаю.

Я вытаскиваю ее палец у нее изо рта, пока она не сгрызла кожу до крови.

– Даже не сомневайся, они тебя сразу возненавидят. Ибо ты просто невыносима. – Я бешено вращаю глазами, а она в ответ морщит нос.

– Зато у нас с Беном есть причина пропустить папин эксперимент по сплочению семьи.

– Хочешь сказать, вы с Беном совсем не огорчились оттого, что не проведете три дня в лесной хижине, без телевизора, радио и интернета, в тесной и упоительной компании всех членов нашей замечательной семьи?

– Поверить не могу, что папа надеется этой поездкой что-то исправить.

– Ты же знаешь папу, он оптимист.

– Он живет в выдуманном мире. Ничего уже не изменится.

Я пожимаю плечами и отворачиваюсь, надеясь, что она не права, но в глубине души понимая, что на самом деле все именно так. Дома уже давно бушует ураган. Родители вечно ссорятся, с нашим братом Озом все сложнее справляться, Хлоя то и дело бунтует, явно стараясь всякий раз вывести маму из себя, у меня сейчас тоже все наперекосяк. Кажется, в последнее время я провожу у Мо больше времени, чем в собственном доме. Наша семья сейчас похожа на действующий вулкан: всего пять минут вместе – и очередное извержение обеспечено. Боюсь, что ближайшие три дня мы проведем в тщетных попытках потушить Везувий.

– Хорошо, что с вами едет Мо, – говорит Обри. Сестра любит Мо почти так же сильно, как я.

– И Натали, – парирую я.

– Что? – изумленно восклицает Обри – теперь она мне явно сочувствует.

Мамина пассивно-агрессивная реакция на нелепый папин план выражается в том, что она пригласила в поездку тетю Карен, дядю Боба и их занудную дочку Натали. А значит, нам с Мо придется повсюду таскать ее за собой.

– А Хлоя берет Вэнса, – говорю я, словно венчая вишенкой всю эту безумную конструкцию.

Хлоя согласилась поехать с нами только потому, что Вэнс – ярый сноубордист, а денег у него нет. Бесплатная крыша над головой, еда и билеты на подъемник – от такого предложения он просто не смог отказаться, несмотря даже на то, что взамен ему придется все выходные терпеть наше семейство. Хлоя ни за какие коврижки не согласилась бы провести с мамой даже минуту, не говоря уже о трех днях, но тут одержала верх ее преданность Вэнсу, которую, кстати, никто из нас не разделяет. Ее парень лодырь, каких свет не видывал, а спеси в нем хоть отбавляй: он неплохо играет в теннис и поэтому уже мнит себя профессиональным теннисистом.

– Ух ты, кажется, поездка выйдет незабываемая, – говорит Обри.

Встреча с будущими родственниками только что заиграла для нее новыми, еще более привлекательными красками.

Мама с тетей Карен выходят из магазина. Мама открывает запертые двери своего нового «мерседеса» – белого внедорожника, который она купила месяц назад себе на день рождения.

– Может, Финн поведет? – с невинным видом бросает тетя Карен.

Правда, в ее словах ничего невинного нет. Папа говорит, что тетя Карен типичная провокаторша. Она любит подлить масла в огонь, словно какой-то лепрекон, шkodливый чертенок, у которого всегда наготове очередная бесовская проказа. Как раз поэтому с ней так весело – почти всегда, кроме ситуаций, когда в центре очередного ее замысла оказываюсь я сама. Она высоко поднимает тонкие выщипанные брови:

– Финн, ты ведь уже получила права?

Я вижу, как мама сжимается, как напрягается все ее тело при мысли о том, что ее прекрасной новой машиной будет управлять не она.

– Я бы хотела дожить до своей свадьбы, – вмешивается Обри.

– Я уверена, Финн прекрасно водит, – говорит тетя Карен и забирает у мамы из рук брелок с ключами.

– В другой раз, – возражает мама и тянет руку за брелоком.

– Что за глупости, – бросает тетя Карен и отдает мне ключи. – Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. – Она заговорщицки мне подмигивает.

В других обстоятельствах я была бы счастлива. Обожаю смотреть, как мама бесится. Вообще-то я смелая и спортивная, и я страшно этим горжусь. Да и мысль о том, что вот сейчас я прыгну за руль и помчусь по улицам, словно Даника Патрик, и маме с Обри будет до смерти страшно, а тетя Карен здорово повеселится, мне очень даже по нраву.

Если бы не одна крошечная проблемка.

– Залезай, – говорит тетя Карен, распахивая передо мной водительскую дверь.

Я сглатываю. Мой инструктор по вождению, лысый мужик с жутким запахом изо рта и стальными нервами, именует эту проблему «педальной дислексией». Мое, казалось бы, пустяковое, но в то же время глобальное затруднение состоит в том, что я путаю газ и тормоз: вроде бы их просто запомнить, но я на это совершенно не способна.

– Я никогда не водила такую большую машину, – говорю я. – Так что, может...

Тетя Карен перебивает меня:

– Глупости. Нет ничего проще. «Мерседесом» даже управлять не надо, он сам едет. Вперед! – говорит она, улыбаясь во весь рот и явно рассчитывая вволю позабавиться.

Обри уже уселась сзади, мама пристегивается на пассажирском сиденье рядом со мной. Мама ничего не знает о моей беде. Когда родители спросили, как проходят мои уроки вождения, я уклончиво ответила: «Нормально».

– Помню, как я ездила с тобой, – говорит мама, оборачиваясь к Обри. – Ты была такая трусиха. Решилась выехать из нашего квартала только через пару месяцев.

– Это называется благоразумие, – отвечает Обри и показывает маме язык. – Именно так и надо ездить. Никто из вас до сих пор не побил мой рекорд: ни единой аварии, ни единого штрафа. Тебе такое и не снилось.

Мама вечно получает штрафы за превышение скорости – не реже чем пару раз в год, и это при том, что от большинства штрафов ей удастся отговориться. – Конечно, лучше всех у нас водит Хлоя, – продолжает мама. – Она прирожденный водитель. Всего один урок, и она уже была готова ехать хоть на край света.

Во мне вскипает азарт. У меня две старшие сестры, которые все в жизни делают первыми, а я вечно чувствую себя так, словно должна их во всем переплюнуть.

Я смотрю на педали «мерседеса». Правая педаль узкая и вертикальная, левая широкая и горизонтальная. Правая – газ. Левая – тормоз. Проще простого. Одна – чтобы ехать. Другая – чтобы тормозить. Тут большого ума не надо. Нет, правда, у половины моих одноклассников уже есть права, хотя они полные идиоты.

– Финн? – Тетя Карен склоняет голову набок, не понимая, почему я мешкаю.

Я улыбаюсь ей и сажусь за руль. Она радостно аплодирует и захлопывает за мной дверцу.

– Сзади полно места, – замечает она, и я отодвигаю сиденье: ноги у меня гораздо длиннее маминих.

Я вожусь с зеркалами и рулем, регулирую их снова и снова, стараясь, чтобы они стояли идеально, а в голове у меня крутится одна и та же мысль: «Правая – газ. Левая – тормоз. Правая – чтобы ехать. Левая – чтобы тормозить. Ну правда, ну соберись же ты. Ты все прекрасно знаешь. Правая. Левая. Газ. Тормоз».

– Похоже, я прямо здесь встречу старость, – говорит Обри.

Я хмыкаю, оглянувшись на нее через плечо. Осторожно ставлю ногу на тормоз и нажимаю кнопку зажигания. Мотор сразу оживает. Я снова проверяю зеркала, убеждаюсь в том, что позади нас ничего нет, а затем на всякий случай еще раз кручу головой во все стороны.

– Ты серьезно? – говорит Обри. – У меня вечером самолет. Кажется, я на него опоздаю.

Мама смеется.

– Финн, все отлично, – подбадривает меня тетя Карен; кажется, в ее голосе слышна нотка вины.

Тетя Карен, конечно, интриганка, но сердце у нее доброе: она из тех, кто воркует с младенцами и возится с птенчиками, выпавшими из гнезда. Знай она, что мне будет настолько не по себе, ни за что не предложила бы мне сесть за руль.

Включив задний ход, я рывками выезжаю с парковочного места.

– Молодец, – говорит тетя Карен.

– И-и-и Миллеры с тетей Карен покидают парковку! – объявляет Обри.

Мама снова фыркает. Я выворачиваю на Береговое шоссе, и вот мы уже едем в сторону дома: один квартал, еще один, в машине тишина, я пытаюсь вести себя уверенно, но знаю, что они чувствуют мое напряжение.

Я вижу светофор: нам красный, так что я очень аккуратно – левая, левая, левая – переносу ногу с педали газа на педаль тормоза. Мы мягко останавливаемся, я выдыхаю носом и мысленно глажу себя по голове. Загорается зеленый, я переставляю ногу обратно на педаль газа, и мы катимся вперед.

Через несколько кварталов и две столь же непримечательные остановки у светофоров я перестаю судорожно сжимать руль и расслабляюсь. У меня все прекрасно получается. Просто нужно сосредоточиться. Продумай и сделай – прямо как в спорте. Все остальные тоже расслабились. Обри тянется вперед, включает радио, а мама оборачивается и замечает, что о чем-то забыла сказать флористу.

Тут-то все и происходит. Она говорит что-то про лилии, про то, что у них нет пыльцы, и в этот миг машина позади нас сигналист. Резкий гудок словно бьет меня прямо в сердце, отдается в ногу, и она отскакивает в сторону, со всей силы вжимается в педаль тормоза, так что мама лишь в последнюю секунду успевает подставить ладонь и не влететь со всего маху лицом в приборную доску.

Мама резко отворачивается от меня, а я безудержно краснею. Я не осмеливаюсь взглянуть на нее. Я лишь чувствую, как по моему типично ирландскому, усыпанному веснушками лицу разливается чувство вины, и понимаю, что она знает. Каким-то образом она всегда знает.

Обри и тетя Карен ничего не замечают. Сигналивший водитель с шумом проносится мимо, Обри показывает ему вслед средний палец, а тетя Карен говорит:

– Урод какой! Ну куда он так спешит? Финн, ты отлично справляешься. Просто замечательно.

Мы снова трогаемся с места, и я дрожу всем телом, сосредоточившись только на одном – как доставить нас домой без новых происшествий и провалов. Я напряженно смотрю на дорогу и стараюсь не думать о сидящей рядом маме, о том, какие мысли сейчас роятся у нее в голове.

Не прошло и недели с тех пор, как я дала маме серьезное обещание. Она так легко простила меня, при том что в результате последней своей выходки я оказалась в полицейском участке. Невинная шалость едва не обернулась катастрофой – булыжник, который я метнула, сидя на качелях, полетел гораздо дальше, чем я рассчитывала, едва не прикончил одного из моих приятелей и расшиб табличку с названием парка. Мама блестяще сыграла роль моего адвоката, сумела сгладить ситуацию и вытащила меня из этой переделки: она перекинулась парой шуток с арестовавшим меня полицейским, и он тут же переквалифицировал мое преступление в попытку любопытного подростка применить на практике законы физики. Когда мы вернулись домой, она сказала только одно: «Видишь ли, Финн, только искренние извинения чего-то действительно стоят». Ее слова попали прямо в точку. В последнее время я слишком часто извиняюсь.

Я поклялась маме, что прошу у нее прощения от всего сердца и что с этого момента буду отмерять семь раз, прежде чем резать. И она улыбнулась, явно проведя параллель с тем, что я не сумела верно отмерить расстояние от качелей. Однако теперь она не улыбается. Сидит неподвижно как истукан, смотрит вперед, на дорогу, а я чувствую себя так мерзко, что хоть плачь. Пять дней. Прошло всего пять дней, а я уже снова подвела ее, нарушила свое обещание.

При виде последнего, ближайшего к нашему дому светофора я едва сдерживаю радостный вопль. Еще квартал, направо, налево, и мы на месте. Загорается желтый, светофор явно не хочет нас пропускать, и я жму на тормоз так, как учил меня инструктор, – чтобы машина замедляла ход не рывком, а плавно.

Мы почти остановились, колеса едва крутятся, я внимательно изучаю бампер стоящей перед нами машины, и тут у меня жужжит телефон: новое сообщение. Резкая вибрация в заднем кармане сбегает вниз по ноге, ударяет в ступню, и машина неожиданно дергается вперед.

– Тормози! – вопит мама, а к ее голосу примешивается жуткий скрежет металла: мы врезаемся в машину перед нами. – Тормози! – снова говорит она, и я отчаянно пытаюсь затормозить, но по какой-то неведомой причине мы все еще прем вперед и вдавливаем маленькую машинку в стоящий перед ней грузовик.

– Не та педаль, – говорит мама, и я отдергиваю ногу.

Мама выскакивает из машины, прежде чем я успеваю поднять ручной тормоз.

– Блин, – говорит Обри у меня за спиной.

– Упс, – говорит тетя Карен.

Я сползаю с водительского сиденья. Все тело горит. Мама уже говорит с водителем машины, в которую мы врезались, наклонившись прямо в открытое окно. В машине всего один человек – женщина в красном свитере, с темными волосами до плеч. На зеркале заднего вида висит собранный из бусинок крест. Женщина кивает в ответ на мамины слова, отворачивается, и я вижу, как дергаются ее плечи: кажется, она плачет, хотя наверняка сказать нельзя.

Я делаю шаг в их сторону, шаг назад, мышцы сжимаются и расслабляются: я не понимаю, как мне быть. К ним подходит немолодой мужчина в клетчатой рубашке и широких штанах – водитель грузовика, с виду типичный работяга или мелкий предприниматель. Он спрашивает, не ранен ли кто, оглядывается на меня и, убедившись, что никто не пострадал, отмахивается от маминого предложения записать номер ее страховки, забирается обратно в кабину и уезжает.

Я разглядываю его удаляющийся бампер. Он весь погнут и исцарапан, но прочно стоит на месте, так что понять, когда на нем появились все эти вмятины и царапины – пару минут или пару лет назад, – совершенно невозможно.

Маленькой машинке повезло куда меньше. Это старая «хонда», и выглядит она так, словно ее сложили пополам. Капот и багажник выгнулись вверх, друг к другу, крыша просела. Женщина достает свой телефон, мама делает то же самое. Я стою и смотрю.

– Финн, дорогая, вернись в машину, – говорит тетя Карен в открытое окно.

Я тянусь к дверце.

– Наверное, будет лучше, если до дома нас довезет твоя мама.

Я обхожу машину и падаю на пассажирское сиденье. Через двадцать минут приезжает эвакуатор. Мама стоит рядом с той женщиной, пока «хонду» грузят на платформу. Женщина уже успокоилась, и я бесконечно благодарна маме. Она просто мастер своего дела. Вот почему она прекрасный адвокат: что бы ни случилось, она сохраняет спокойствие, умеет очаровать любого, убедить всех на свете в том, что она – их друг. Прежде чем взобраться в кабину эвакуатора, женщина благодарит маму, словно ее даже радует, что мы вдребезги разбили ее машину.

В следующий миг мама садится за руль и довозит нас оставшиеся два квартала до дома.

2

Мы паркуемся перед домом, и я сползаю с пассажирского сиденья, стараясь казаться как можно более незаметной. Мама, не говоря ни слова, стремительно шагает к дому. Кажется, она даже не заметила папу с Озом, которые моют на подъездной дорожке Миллер-мобиль. Папа купил этот фургон, когда ему было девятнадцать, и с тех пор Миллер-мобиль был ему верным спутником во всевозможных поездках, от гонки за торнадо на Среднем Западе до бесчисленных выездов в горы, на рыбалку, на серфинг.

Наш золотистый ретривер Бинго мчится к маме, машет хвостом, но она, словно не замечая его, захлопывает за собой входную дверь в дом, и он возвращается к нам. Одного этого уже достаточно, чтобы понять, как сильно мама расстроена. Бинго единственный, за исключением Обри, член нашей семьи, с кем мама все еще ладит: я часто вижу, как она сидит на лужайке с бокалом вина, перебирая пальцами его шерсть.

Тетя Карен сжимает мне плечо, целует в висок:

– Держись, детка, аварии – часть нашей жизни.

Я вымученно киваю ей в ответ, и она отправляется к себе: она живет в двух домах от нас. Обри переводит взгляд с меня на помятый перед «мерседеса», качает головой, словно лишний раз напоминая мне, какая я идиотка, и поворачивается к папе, собираясь потешить его рассказом о моем очередном провале.

Может, аварии и часть чьей-то жизни, но уж точно не маминой. Насколько мне известно, мама никогда не попадала в аварию, и все же теперь моими стараниями ее чудная машина, о которой она мечтала много лет и которую наконец купила, выглядит как выдавшая виды колымага.

В паре метров от Обри с папой Оз поливает из шланга фургон так, что водой залито все вокруг. Оз вымок с головы до пят, и, хотя мне сейчас не до веселья, я улыбаюсь, как и всегда, когда вижу, как брат радуется самым простым вещам. Его ничуть не заботят одолевающие всех остальных людей в этом мире мысли о том, что им нужно чего-то добиться, на кого-то произвести впечатление. Ему тринадцать, но его умственные способности соответствуют скорее ребенку лет шести. В эмоциональном плане он развит еще меньше – прямолинеен, как детсадовец.

Папа хохочет, услышав от Обри, что у меня талант к изготовлению музыкальных инструментов, поскольку расплющенная мною «хонда-аккорд» стала похожа на аккордеон. Руки Обри летают в воздухе то вместе, то порознь, как у дирижера; она старательно изображает скрежет сминаемого металла. Папа в отличие от мамы не переживает по поводу внешнего вида своей машины и считает, что мелкие вмятины и царапины – дело житейское. Его фургон – убедительное тому подтверждение: он старше, чем я, и весь покрыт шрамами и рубцами.

Оз говорит:

– Папа, иди мыть фургон.

Папа его не слышит. Он наслаждается рассказом Обри, расплываясь во все более широкой улыбке, а Обри скрежещет, не переставая растягивать руками

невидимый аккордеон:

– Хр-р-р-р... И тут мама вопит: «Тормози!» – а Финн снова жмет на газ: хр-р-р-р...

Мне хочется уйти, но я не знаю, куда податься. В дом, к маме, точно нельзя. К Мо тоже нельзя – она поехала за лыжной экипировкой, готовится к нашей поездке. Так что я просто стою, сгорая от стыда и гнева, и мечтаю лишь о том, чтобы Обри поскорее все дорассказала и уехала.

Оз со мной солидарен. Он хочет, чтобы папа и дальше мыл фургон вместе с ним. Он все сильнее хмурит брови и уже залил водой из шланга весь газон. Я вижу, что его терпению вот-вот придет конец: он крепко вцепился в шланг, лицо потемнело. Я могла бы ему помешать.

– Хр-р-р-р, – снова скрежещет Обри.

Но я этого не делаю.

– Тут мама вопит: «Не та педаль!..»

Вода бьет Обри по волосам, мигом сбегает по шелковой блузке без рукавов к модельным джинсам, заливает новые кожаные сапоги. Папа тут же бросается вперед, отгораживает ее от потока воды, но уже слишком поздно: сестра вымокла до нитки, тщательно выпрямленные и уложенные волосы облепили лицо, блузка пристала к телу. Она фыркает, как собака, стряхивает с рук воду и, не говоря ни слова, вихрем уносится к своей машине, стоящей у тротуара.

– Оз, прекрати, – командует папа. Он выставляет перед собой руки, словно пытаюсь остановить поток воды из шланга, выворачивает голову вслед машине Обри. – Господи! – рычит он. – Господи ты, блин, боже мой! Я что, не могу пять минут поговорить с дочерью? – Сквозь стену воды он смотрит на закрытую дверь дома, за которой пару минут назад скрылась мама. – Оз! Хватит! – рявкает он, и я вмиг перестаю улыбаться, а кровь стынет у меня в жилах.

В ответ на папину резкость Оз хмурится еще сильнее, и его лицо темнеет до опасного оттенка, при виде которого мне становится так страшно, что по шее бегут мурашки. За последний год мой брат почти сравнялся с папой по росту –

он всего чуть-чуть недотягивает до метра восьмидесяти, а весит уже килограммов на пятнадцать больше. У папы спортивное телосложение, а Оз скорее толстый, но при этом очень сильный. Если прибавить к этому полное отсутствие самоконтроля и темперамент как у самца гориллы, получится горячая смесь, которую может поджечь любая, даже крошечная искра.

Папа тоже заметил перемену в настроении Оза. Он стирает с лица гнев и добавляет в тон непринужденности:

– Ладно, приятель, давай отмоем этого малыша.

Лицо у Оза светлеет, и мы с папой выдыхаем. Оз так и поливает папу, направив шланг ему прямо в грудь. Папа весь вымок, но не отходит в сторону, как будто ему нипочем этот неожиданный ледяной душ. С Озом по-другому нельзя.

– Водяной бой, – ухмыляясь, говорит мой брат.

– Нет. Водяного боя не будет, – устало отвечает папа.

Я пробираюсь вперед, поближе к фургону, осторожно обходя Оза.

– Водяной бой, – настаивает Оз.

– Нет, с меня хватит, – говорит папа, и я ясно вижу, что он имеет в виду не только нынешние игры с водой.

Возле фургона стоит ведро. Я беру из него губку и принимаюсь, посвистывая, тереть нарисованный над колесом пачифик. Я стараюсь давить посильнее, чтобы получилась шапка из пены. Мой свист отвлекает Оза, и он наконец отводит от папы шланг с водой. Взбив побольше пены, я набираю ее на губку и принимаюсь выдувать в воздух пузыри. Бинго срывается с места и принимается гоняться по газону, неистово машет хвостом, прыгает на пузыри и пытается их куснуть. Мы с ним играем в эту игру с тех пор, как он был еще щенком.

Оз выпускает шланг и бежит на газон. Он выхватывает у меня губку, выжимает новые пузыри и сдувает их в воздух так же, как только что делала я.

– Спасибо, – одними губами говорит папа.

Я дергаю плечом и отворачиваюсь, собираясь уйти. – Эй, Финн! – говорит папа мне вслед. – Когда вернемся из поездки в горы, я научу тебя водить. У тебя все получится.

Я вяло улыбаюсь. Спасибо, папа, но ведь этого никогда не случится. Оз не отпустит тебя ни на какие уроки вождения. Может, меня научит Обри. Или Хлоя.

3

Погода вполне соответствует настроению половины из нас. Солнце прячется за плотными облаками. Вторая половина – это тетя Карен, дядя Боб, Оз, Мо и папа, для которых стакан всегда наполовину полон. Даже Бинго уже не уверен, что нам десятерым стоит куда-то ехать вместе. Он вяло виляет хвостом, бродя между нами словно в поисках ответа на вопрос, что ему делать – радоваться или бояться.

Накануне вечером родители ругались как собаки – рычали и лаяли друг на друга по всем мыслимым поводам, начиная с того, что папа купил в дорогу не то печенье, и заканчивая стандартным скандалом из-за того, что мама проводит с Озом слишком мало времени. Хлоя не обращала на происходящее никакого внимания и спокойно листала журнал, надев наушники. Порой она отрывалась от чтения и делала смешные гримасы, пытаясь отвлечь и меня. Хлоя лучше всех в мире понимает, как хреново тому, кто умудрился оказаться не на маминой стороне.

В какой-то момент она даже кинула мне остаток своего «Тоблерона»: неделю назад его подарил ей Вэнс, вернувшийся с теннисного турнира в штате Вашингтон. Но это не помогло. Я не могла отвлечься, не могла забыть, что все началось с меня и моей дислексичной ноги. Равновесие и без того было хрупким, но нарушила его именно я. Мама умчалась по лестнице вверх, крикнув напоследок: «Я дотерплю до свадьбы, Джек, но только ради Обри. А потом все. С меня хватит!» Тема развода возникала и раньше, но вчера я впервые поверила, что они действительно разведутся.

Мама стоит посреди лужайки рядом с тетей Карен и, скрестив руки на груди, наблюдает, как папа и дядя Боб грузят в Миллер-мобиль наши лыжи. После аварии она не сказала мне ни единого слова. Она на меня вообще не смотрит.

Мне так плохо, что даже больно дышать. Я никак не могу понять, как это могло случиться. Я ведь не тупая. У меня нормальные оценки. Но когда речь заходит о здравом смысле, у меня в голове словно что-то замыкается. Я понимала – по крайней мере, должна была понимать, – что мне нельзя садиться за руль маминого «мерседеса», и все же села и поехала. Я в очередной раз оглядываюсь на разбитый перед машины: бампер треснул, краска содрана, фара разбита.

Я мотаю головой и с тяжелым вздохом отворачиваюсь, продолжая наблюдать за сборами. Оз помогает по мере своих сил. Папа заносит в фургон наши вещи, а Оз кладет их куда вздумается – на сиденья, в проход, прямо на руль. Перед выездом его отвлекут, и мы все разложим по местам.

Мо рядом со мной чуть не прыгает от радости. Она никогда не каталась на лыжах. У ее отца другие представления об отпуске: обычно он арендует яхту с командой матросов и плывет с семьей от одного греческого порта к другому, или осматривает древние руины в Бангладеш, наняв в качестве экскурсовода местного профессора, или дегустирует вина в бордоских погребах.

Я улыбаюсь, видя, как она счастлива. На ней красивая новехонькая одежда, идеально подходящая для поездки в горы: черные легинсы, сапоги на меху, нежно-голубой кашемировый свитер и шарф-хомут, который выглядит так, словно его связали вручную где-нибудь в Марокко. Собственно, это вполне может быть правдой: отец Мо постоянно ездит по свету и отовсюду привозит ей необычные подарки. На улице плюс пятнадцать – прохладно для округа Ориндж, но жарковато для ее наряда, так что на лбу и над верхней губой у Мо уже светятся капельки пота.

Мама Мо ждет вместе с нами, разглядывает всех собравшихся. Интересно, что она думает о нашей странноватой компании? Хлоя и Вэнс (мы с Мо называем их «Хлэнс», поскольку они все время касаются друг друга, образуя единое существо, в котором уже невозможно различить двух разных людей) жмутся друг к другу на крыльце, целуются и шепчутся, явно обсуждая, когда уже можно будет слинять и накуриться. Мои родители ни о чем не подозревают. Точно так же они не подозревают о том, что моя сестра занимается сексом и что регулярно, я бы даже сказала частенько, пьет.

Я вижу, как Хлоя что-то шепчет на ухо Вэнсу. Он улыбается ей в ответ и нежно целует, и в этот момент его черные волосы касаются ее таких же черных волос. Им обоим с месяц назад исполнилось по восемнадцать: дни рождения у них с разницей в неделю, и в честь праздника они решили сделать одинаковые прически. Хлоя отстригла свои длинные медные локоны, а Вэнс сбрил свои золотистые волосы машинкой, оставив всего пару сантиметров. Все, что осталось, они выкрасили в иссиня-черный цвет. Казалось бы, ужасная идея, но они выглядят отлично. Он высокий, она миниатюрная, у обоих идеальная кожа и ровные белые зубы.

Я оборачиваюсь, услышав, как мама смеется над чем-то, сказанным тетей Карен. На самом деле тетя Карен нам вовсе не родня, но она стала для меня «тетей», еще когда мы с Натали были маленькими. Это мамина давняя и ближайшая подруга. Они так близки, что даже стали походить друг на друга. Мама чуточку выше и весит килограммов на десять меньше, а у тети Карен более пухлые губы и тонкий нос, но в целом они выглядят как сестры, причем моя мама старшая, хотя на самом деле они ровесницы.

Тетя Карен говорит еще что-то забавное, и дядя Боб бросает ей от машины:

– Эй, что у вас там происходит? Хватит шептаться!

Тетя Карен показывает ему язык. В ответ на это дядя Боб выхватывает из пакета с продуктами, который как раз держит в руках, упаковку зефирок и швыряет прямо в нее. Тетя Карен уворачивается, а мама прыгает за пухлым снарядом и легко ловит его на лету.

Иногда я забываю, что мама раньше была спортсменкой. И немудрено: она выглядит как любая другая мама. Она сейчас явно не в лучшей форме – не то что раньше, когда бегала кроссы за сборную Университета Южной Калифорнии, – но реакция у нее до сих пор молниеносная.

Дядя Боб подмигивает маме, и она заливается краской, а тетя Карен делает вид, что ничего не заметила. Мне всегда казалось, что тете Карен, наверное, нелегко от мысли о том, что мама с дядей Бобом отлично ладят. Ничего такого, просто они держатся друг с другом по-особенному, вечно друг друга подзуживают, провоцируют, а тетя Карен на такое не способна. Мама изо всех сил старается держать ситуацию под контролем. Вот и теперь ей явно хочется бросить

зефирки дяде Бобу, но она этого не делает. Она просто идет к машине и кладет упаковку обратно в пакет. – А ты так не сможешь, – поддразнивает он.

– Помнится, ты все еще должен мне семнадцать «Сникерсов», с тех пор как мы в последний раз играли в «молнию»[1 - Вариант игры в баскетбол для трех и более игроков и двух мячей. Игроки выстраиваются в линию, первый игрок бросает мяч в корзину; в момент, когда он выпускает мяч из рук, второй игрок также бросает свой мяч в корзину. Если первый игрок попадает в корзину, он передает мяч третьему игроку; если нет, продолжает бросать, пока не попадет. Если первым в корзину попадает второй игрок, то первый игрок выбывает. (Здесь и далее примечания переводчика.)], – парирует мама, и в ее глазах мелькает азартная искорка. Она возвращается к тете Карен, а дядя Боб лишь молча ухмыляется ей вслед.

К нам с Мо и миссис Камински подходит Натали. – Мама говорит, что тебе придется самой оплатить ремонт «мерседеса», – говорит она, сочувствующе улыбаясь, хотя в ее голосе явно слышится злорадство.

Мы с Натали выросли вместе, но практически всю жизнь друг друга ненавидим. Первые пять лет мы дрались. Потом еще лет пять обходили друг друга стороной. А последние шесть лет мы едва выносим друг друга.

– Что, правда? – искренне изумляется Мо.

Я сглатываю. Мама мне так ничего и не сказала, но, если тетя Карен говорит такое Натали, значит, это правда. Я даже представить себе не могу, во сколько обойдется ремонт, но думаю, что стоит он будет гораздо больше, чем я сумела накопить себе на машину. Все мои внутренности сжимаются от мысли о том, что мне придется отдать все заработанное за те долгие часы, пока я нянчилась с соседскими детьми и выгуливала чужих собак. Одно сообщение, и все мои сбережения рассыплются в прах.

– М-да, сурово она с тобой, – говорит Натали. – А знаете, что мне подарят родители, как только я получу права?

Мы с Мо молчим.

– «Мини-купер». Не могу решить, какой цвет лучше – желтый или красный. Я часто вижу в центре такой симпатичный красный «купер» с белой крышей, на нем еще британский флаг нарисован.

– Ты ведь не из Англии, – говорит Мо.

– И? – отвечает Натали, явно задетая тем, что мы не выражаем никакого восторга по поводу ее будущей машины.

Мне бы хотелось сказать, что Натали некрасивая, но это не так. Она хорошенькая – золотистые волосы, серые глаза, большие сиськи. Но стоит ей открыть рот, как она сразу становится уродиной. Мы снова молчим. Мама кричит Хлое:

– Хлоя, принеси еще комплект белья!

Хлоя не реагирует и продолжает тискаться с Вэнсом. Хотя она явно слышала маму: она слегка поворачивается, так что теперь всем нам отлично видна маленькая черная ласточка у нее на левом плече – татуировка, из-за которой мама закатила ей жуткий скандал.

– Я принесу, – вызывается Оз, бросает сумку с лыжной амуницией и мчится к дому, отчаянно – как, впрочем, и всегда – пытаюсь заслужить мамину похвалу.

Я мотаю головой. Зная Оза, можно смело предположить, что в результате кому-то из нас достанутся простыни с Губкой Бобом. Или что Оз прихватит пятьдесят простыней, но не возьмет ни единой наволочки.

– Не надо, Оз, – останавливает его мама, сверля глазами Хлою. В ее голосе слышны нотки ярости. – Забудь про белье, лучше папе помоги.

Мама со вздохом отворачивается и идет к нам. Тетя Карен не отстаёт. Мама натягивает улыбку, предназначенную для миссис Камински, и старательно игнорирует меня:

– Доброе утро, Джойс.

– Доброе утро, Энн, Карен. Спасибо, что позвали Морин. Она уже несколько недель только и говорит, что об этой поездке.

– Вы же знаете, мы любим проводить с ней время.

Повисает неловкая пауза. Миссис Камински скользит взглядом по Миллер-мобиль и принимается рассматривать землю у себя под ногами. Миллер-мобиль похож на консервную банку на колесах. Первоначально это был настоящий походный дом с кухонькой и кроватью, но художник, у которого отец купил фургон, выбросил всю мебель, чтобы высвободить место для студии, и оставил только встроенный обеденный уголок – стол и скамейки по обе стороны от него. Когда родились все мы, папа поставил дополнительные сиденья – пару автобусных кресел из «Грейхаунда» и красный кожаный диван, который он снял с отправленного в утиль «бентли». В результате получилось весьма примечательное, чудное сочетание полосатого синего плюша, роскошной красной кожи и блестящего зеленого винила.

Миссис Камински ничего не может с собой поделать.

– Там есть ремни безопасности? – спрашивает она.

Мо вся сжимается. За последний год ее недовольство материнской гиперопекой явно выросло. Я знаю, что в последнее время они не раз из-за этого ссорились.

Мама кивает:

– Хотите заглянуть внутрь?

Миссис Камински смотрит на Мо и мотает головой:

– Нет, все в порядке. Я вам доверяю.

В последних трех словах таится вызов. Мама его принимает:

– Я за ней присмотрю.

К разговору подключается тетя Карен:

– Мы все присмотрим. Мо нам как дочь. Она в хороших руках.

Неуверенно улыбаясь и бормоча слова благодарности, миссис Камински чмокает Мо в щеку, желает ей хорошенько повеселиться и быстро уходит. Дальше она будет волноваться без свидетелей.

Мо с облегчением выдыхает, и я легонько толкаю ее в плечо:

– Не так уж и плохо. Еще недавно она бы вообще не разрешила тебе ехать. Ты обещала звонить каждый час?

– Нет, я сказала, что вообще не буду звонить, – отвечает Мо. – Так лучше. Когда я звоню, она словно с ума сходит, расспрашивает меня обо всем в мельчайших подробностях, начинает переживать из-за того, что я рассказываю, и придумывать, что может пойти не так. Чем меньше она знает, тем меньше будет переживать. Нас не будет всего три дня. Она вполне может прожить три дня, ничего обо мне не зная. И потом, пора привыкать. Через два года я уеду в университет и уж точно не буду звонить ей каждый день.

Я ей верю. Мо страшно хочется расправить крылья, взмыть ввысь, умчаться как можно дальше от родного гнезда. Я подумываю поступить в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе или в Сан-Диего, чтобы по выходным приезжать домой, а вот Мо мечтает поселиться на другом конце страны или даже на другом краю земли. Она хочет путешествовать по Патагонии, пересечь Сахару, взобраться на Эверест. Когда мы были маленькими, она разинув рот слушала рассказы моего отца о его юношеских приключениях. Папа всегда говорил: «Эта Мо в душе настоящая пиратка».

– Едем! – кричит папа с водительского сиденья. Его лицо излучает оптимизм, и я почти готова поверить в то, что его задумка сработает и мы здорово проведем время.

Мо хлопает в ладоши и бросается к фургону. Вэнс стаскивает Хлою с крыльца и тянет к нам. Мама со вздохом идет следом за тетей Карен, высоко подняв подбородок, словно приговоренная к смерти, храбро шагающая к электрическому стулу. Дядя Боб в шутку боксирует с Озом, с каждым новым ударом придвигая его все ближе к дверце Миллер-мобиля, и одновременно ищет

глазами маму, чтобы убедиться, что она это видит.

– Финн, залезай, – говорит папа.

Я подхожу, и он дает мне пять через открытое водительское окно.

– Пристегнись, – говорит мама, когда я залезаю в фургон, но эти слова адресованы не мне, а Мо.

Мо со стоном пристегивается. Я весело плюхаюсь на сиденье рядом с ней, радуясь, что мне ремень не нужен.

Дядя Боб едет впереди. Они с папой тут же принимаются обсуждать грядущий Супербоул[2 - В американском футболе финальная игра за звание чемпиона Национальной футбольной лиги США.]. При других обстоятельствах я бы их послушала и даже присоединилась к беседе: я люблю американский футбол и знаю об игроках больше, чем оба они, вместе взятые. Но сейчас я не могу бросить Мо на съедение Натали. Так что я достаю колоду карт и раздаю их нам троим, Хлое и Вэнсу. Мы затеваем турнир в «Верю – не верю» в надежде на то, что игра займет нас на все три часа пути до Биг-Бэр. Победитель получит право первым выбрать себе место для сна в коттедже. За такой приз стоит бороться, потому что спать рядом с Озом никто из нас не хочет.

Оз, усыпленный безопасной дозой бенадрила[3 - Бенадрил (в России – димедрол) – антигистаминный препарат, оказывающий седативное и снотворное действие.], который папа подсыпал ему в сок, оглушительно храпит у окна. У него в ногах свернулся Бинго. В самом конце фургона, на диване из «бентли», сидят мама с тетей Карен. Мама работает, поставив ноутбук себе на колени: через несколько недель у нее большой суд, из-за которого она сильно нервничает. Тетя Карен читает журнал.

Мы в пути.

Когда мы начинаем подниматься в горы, облака смыкаются, цвет и свет, ощущение времени и пространства пропадают и все вокруг становится одинаковым матово-серым. Еще день, но в горах уже сумерки. Нам пришлось прервать карточный турнир, потому что Натали жульничала и Хлою это взбесило, хотя все остальные сказали, что ничего страшного в этом нет. Приз не достался никому, так что, когда мы доберемся до коттеджа, в борьбе за спальное место все будут равны.

Оз все еще храпит, мама все еще работает, тетя Карен красит Натали ногти на ногах, а та дуется на нас за то, что мы все с ней дурно обращаемся. Мы с Мо так и сидим за столом, склонившись над моим телефоном. – Не могу, – говорю я.

У меня горят щеки: я читаю слова, которые Мо набрала у меня на экране: «Привет, Чарли, какие планы на выпускной бал? Я подумала: может, пойдём вместе? Финн».

На то, чтобы составить это сообщение – простое, по делу, – у нас ушло больше двадцати минут. Я кружу пальцем над кнопкой «Отправить», пока Мо, устав от ожидания, не жмет ее за меня. У меня обрывается сердце.

– Готово, – говорит она с довольной ухмылкой на лице.

У меня внутри все сжимается, я взволнованно гляжу на экран в ожидании мгновенного ответа, надеясь на него и в то же время боясь; время вдруг замедляется, каждая секунда теперь длится раза в два дольше, чем до того, как сообщение было отправлено. – Что готово? – спрашивает Хлоя, отлипнув от Вэнса и вытащив наушник из правого уха.

В крошечном кружочке истошно вопит противная музыка – какое-то гулкое треньканье и какофонный скрип, наводящие на мысли об издевательствах над кошками, промышленных вентиляторах и мусорных баках.

– Ничего, – отвечаю я, в который раз изумляясь способности Хлои не замечать меня, когда я хочу, чтобы она меня услышала, и первой слышать все, что ее совершенно не касается.

Не успеваю я опомниться, как она хватается со стола мой телефон:

– Кто такой этот Чарли?

– Никто.

Мо усмехается.

– Тот футболистик в сапогах и с большой пряжкой на ремне?

– Он из Техаса, – оправдываюсь я.

– Мне кажется, это мило, – замечает Мо.

Хлоя закатывает глаза и бросает мой телефон обратно на стол:

– Даже не верится, что мы сестры.

Мне нечего возразить. Все, что у нас с Хлоей есть общего, – это комната, которую мы с ней делим с самого моего рождения, любовь к умопомрачительным словам вроде «умопомрачительный», медные волосы и зеленые глаза. Она с улыбкой втыкает наушник обратно в ухо, и я понимаю, что она за меня рада. Хлоя уже довольно давно намекает мне, что пора бы обзавестись парнем, и всегда прибавляет, что я красивая. Она единственная делает мне комплименты, и, хотя я притворяюсь, что мне плевать, она говорит их так часто и так убедительно, что порой я ей и правда верю.

* * *

К моменту, когда мы наконец подъезжаем к коттеджу, я уже сгрызла все ногти и раз двести проверила телефон. Миллер-мобиль останавливается, мы все потягиваемся и встаем. Начался снегопад: еще нет пяти, но на улице темным-темно.

Я гляжу на коттедж сквозь тонкую снежную завесу, и на душе у меня теплеет. С этим местом связаны многие прекрасные воспоминания моего детства. Коттедж выглядит как настоящее горное шале. Его построил мамин отец, после того как вышел на пенсию: он мечтал провести остаток дней среди сосен и даже успел

прожить здесь два коротких года – до самой смерти. Но его мечта жива: величественное треугольное здание из стекла и бревен стоит в конце частной подъездной дороги, вокруг на многие мили нет больше ни души.

Я выхожу из фургона и в тот же миг забываю и про Чарли, и про свой телефон: мороз ошеломляет, от красоты зимнего пейзажа перехватывает дыхание. Я привыкла считать себя высокой и приметной – все из-за того, что у меня длинные ноги и рыжие волосы, – но здесь, посреди этих суровых просторов, я вдруг с изумлением ощущаю собственную ничтожность.

Мо крутится рядом, как и я наслаждаясь моментом. Она высунула язык и ловит им колющие снежинки.

– Ты знаешь, что снег грязный? – спрашивает Натали.

Высунув язык еще дальше, Мо смотрит прямо на Натали, и та обиженно отходит. Мы с Мо хихикаем. Папа с трудом стаскивает по ступенькам фургона набитую банками газировки сумку-холодильник и просит Оза вытащить вторую сумку. Оз подхватывает ее словно пушинку и несет следом за папой. За ними бежит Бинго.

– Спасибо, сынок, – бросает папа через плечо, и Оз расплывается в улыбке.

Я беру свою спортивную сумку, пару пакетов с продуктами и иду вслед за Вэнсом, у которого в руках нет ничего, кроме его собственных пожитков. Он тащится вперед, ссутулив плечи, своей медлительной, раздражающей походкой, которая кажется мне одновременно расслабленной и вызывающе высокомерной. Мой телефон жужжит в кармане куртки, и я подпрыгиваю, словно от удара электрошокера.

Прямо за мной шагает Хлоя. Она бьет меня по заднице пакетом с едой:

– Это твой парень?

Я оборачиваюсь, планируя ухмыльнуться ей в ответ, но вижу ее радостное лицо и заливаюсь краской.

Мне до смерти хочется проверить телефон и узнать, что за приз мне достался, но Чарли придется подождать, потому что мы входим в дом, а значит, пора бороться за спальные места. Я бросаю пакеты с продуктами на стол и мчусь мимо Вэнса, явно не имеющего ни малейшего представления о том, насколько важно происходящее прямо у него перед носом. Оз уже с грохотом штурмует ступеньки, ведущие на чердак. Когда ему что-то нужно, он добивается этого любой ценой, а я прекрасно знаю, что сейчас ему нужна верхняя койка.

Это неплохо. Если он выберет левую, я выберу правую. Пусть он займет одну из двухэтажных кроватей, и тогда вторая достанется нам с Мо. Но у меня за спиной пытит Натали, и я понимаю, что она все сделает, лишь бы нарушить мои планы. Какую бы кровать я ни выбрала, она займет на ней вторую койку, лишь бы разделить нас с Мо.

У меня в голове тут же рождается новая стратегия: я решаю, что лучше будет занять кровати в глубине чердака. Я лягу посередине, и Мо точно окажется на соседней со мной кровати, вне зависимости от того, что еще придумает Натали. Оз поворачивает налево, а я мчусь вперед и швыряю сумку на кровать посередине, срываю с себя куртку и кидаю ее на кровать слева. Натали заглатывает наживку.

– Это моя кровать, – говорит она. – Две занимать нечестно.

Она сбрасывает на пол мою куртку и кладет свою сумку на самую неудобную из кроватей – прямо под обогревателем, ближе всего к Озу. Я поднимаю куртку и бросаю ее на кровать справа от своей – ту, которую я на самом деле хотела занять для Мо.

Вэнс и Хлоя будут спать на второй двухъярусной кровати, родители – на раскладном диване в гостиной. Тетя Карен и дядя Боб займут спальню.

– Разбирайте вещи и поедem ужинать! – кричит папа.

Я плюхаюсь на свою кровать и вытаскиваю телефон из кармана. Мо садится рядом и глядит мне через плечо.

«С удовольствием. Рад, что ты меня пригласила. Чарли».

От радости мы с Мо подскакиваем так высоко, что я боюсь, хлипкая кровать может не выдержать.

– Он рад, что ты его пригласила! – вопит Мо.

Хлоя на другом конце чердака расплывается в широкой улыбке и показывает мне большой палец.

– Как думаешь, он наденет свои ковбойские сапоги? – язвит Натали.

Я пропускаю ее слова мимо ушей. Насколько я знаю, она идет на выпускной бал с двоюродным братом.

– Девчонки, торопитесь, – зовет снизу папа. – Нас ждет «Поместье гризли».

Мама перебивает его:

– Джек, может, сегодня поужинаем дома? Снегопад усиливается.

– И останемся без гризли-блинчиков с колбасками? Да ни за что! – задорно парирует папа.

Оз восторженно вопит:

– Гризли-блинчики на ужин!

Я понимаю, что теперь все решено. Если Оз не получит своих блинчиков, он нам этого не простит.

– Девчонки, мы отправляемся, как только я принесу из фургона все вещи. У вас десять минут.

Он явно обращается к Мо, но мисс Модница уже копается в своем гигантском чемодане в поисках наряда, лучше всего подходящего для ужина в «Поместье гризли», дайнере с клеенчатыми скатертями в клетку и засыпанным опилками полом.

Натали, не желая отставать от Мо, открывает свою не менее просторную дорожную сумку и принимается в ней рыться. Я забираюсь с ногами на кровать – переодеваться не буду, поеду как была, в трениках и уггах, – и смотрю на сообщение Чарли.

– Красный или черный? – спрашивает Мо, демонстрируя мне два одинаково шикарных свитера.

– Красный.

– С дырками или без? – Это уже про джинсы.

– На улице мороз, – отвечаю я.

– С красным лучше смотрятся дырявые. – Она бросает джинсы без дырок обратно в чемодан, и я закатываю глаза. – Нам ведь только от машины до ресторана пройти.

Она бежит переодеваться в ванную, а когда выходит оттуда, то напоминает скорее нью-йоркскую манекенщицу на пути в пятизвездочный ресторан, чем девочку-подростка, которая собирается в забегаловку городка Биг-Бэр, чтобы съесть завтрак вместо ужина. – Готовы? – кричит папа. – Автобус отправляется!

Я хватаю свою парку, а Мо натягивает изящную спортивную куртку из фланели в елочку и надевает кожаные сапоги на каблуках. Увидев наряд Мо, Натали отчаянно ныряет в свою сумку и вытаскивает похожие сапоги, накидывает на плечи кремовый пуховик до колена.

– Красивое пальто, – говорит Мо.

– Я его купила в Италии. Оно стоило больше семисот долларов, – говорит Натали.

Мо, как ни удивительно, пропускает ее слова мимо ушей, зато я, тряхнув головой, ляпаю:

– Знаешь, а я купила свою парку в Париже за восемьсот!

Натали бросает на меня разъяренный взгляд, скатывается вниз по лестнице и с грохотом распахивает дверь на улицу. Мо поворачивается ко мне, и мы хохочем, а потом спускаемся вниз, имитируя горделивую походку Натали.

– Девочки! – одергивает нас мама.

Мы выходим в темноту. На улице такой мороз, что даже дышать тяжело.

5

Пока мы обустроивались в коттедже, мир переменился. Теперь снег сплетается в пелену, ниспадающую с неба сплошной бесконечной стеной, ветер крутит снежинки, и они вьются в воздухе, а потом наконец ложатся на землю плотным белым покрывалом. Я дрожу под паркой. Температура резко упала, от дневного тепла теперь остались одни воспоминания.

– Едем, – говорит папа, открывая дверь Миллер-мобиля.

Мы с Мо и Натали ковыляем к фургону. Мо на своих модных каблуках спотыкается и скользит.

– Финн, садись вперед, – говорит папа. – Поучу тебя водить в снегопад.

Я прыгаю на переднее сиденье. Мама у меня за спиной напоминает:

– Пристегнись, Мо.

Я тоже пристегиваюсь. Мы едем очень медленно. Цепи солидно скрипят, пока мы ползем вниз по заваленной снегом дороге. Шуршат дворники, дальний свет освещает путь не больше чем на метр впереди нас, в лучах фар кружат крупные хлопья снега.

Дорога пуста. Кроме нас ею пользуются только пожарные да редкие нарушители, решившие заехать на частную территорию, чтобы срезать путь от

озера Сидар-Лейк к горнолыжным склонам. Папа ничего не объясняет про вождение зимой. Он сосредоточенно всматривается в дорогу, а я думаю про Чарли и выпускной бал.

– Что это? – Я указываю на яркое пятно прямо впереди нас.

Папа притормаживает, и мы с черепашьей скоростью подползаем к пятну, которое оказывается маленькой красной машинкой. Папа останавливает фургон и выходит. Он не успевает пройти и половины пути до машины, когда из нее вылезает парень немногим старше меня. Они обмениваются парой фраз и вместе идут к фургону.

– Это Кайл, – говорит папа. – Мы его подвезем.

Я не против. Можем хоть каждый раз подвозить какого-нибудь Кайла – парня ростом не меньше метра восьмидесяти, широкоплечего, с медовыми волосами и сияющими зелеными глазами, яркий цвет которых заметен издалека.

Кайл осматривается в фургоне. Кресло у двери занимает Оз, у него на руках Бинго. Мама, тетя Карен и дядя Боб сидят в самом хвосте, на диване из «бентли». Хлоя и Вэнс прилипли к окну по обе стороны столика, закупорив уши наушниками, из которых что-то гроыхает. Натали и Мо сидят за тем же столиком друг напротив друга. Кайл улыбается, встретившись глазами с Мо, и садится рядом с ней. Отлично, он еще и умен.

Мы снова трогаемся, аккуратно огибая машину Кайла. Ему повезло, что он нас встретил. Не думаю, что сегодня по этой дороге проедет много машин. Пешком до города неблизко, к тому же на улице слишком холодно.

Судя по звукам, доносящимся у меня из-за спины, Мо уже принялась за Кайла, и, хотя мне не слышно, о чем они говорят, я знаю, что он пропал. На счету у обольстительницы Мо десятки разбитых сердец. Она из тех девчонок, кто дурманит парней, влюбляет их в себя, а потом бросает, обрекая на безутешные муки.

Я быстро оглядываюсь через плечо и вижу, что Кайл, конечно, уже сидит вполоборота к Мо, совершенно очарованный ею, а она плетет свою паутину, завораживает его красотой, забрасывает приветливыми вопросами,

исполненными самого искреннего любопытства, и так внимательно вслушивается в слова Кайла, словно он самый потрясающий парень на всем белом свете.

Сидящая напротив Натали ошеломленно глядит на них, явно лишившись дара речи, и я вдруг понимаю, что даже слегка ей сочувствую, и радуюсь, что это не я сижу с ними на диване, ощущая себя невидимкой на фоне блистательной Мо.

Папа жмет на тормоз, и я резко поворачиваюсь вперед, чтобы увидеть блестящие глаза оленя, стоящего прямо у нас на пути. Фургон кренится, буксует, передние колеса цепляются за дорогу, задние проскальзывают. Все происходит очень медленно. Мы едва движемся. Зад фургона глухо бьется во что-то твердое, и передние колеса теряют хватку. Кажется, что мы проскользили всего с десятков сантиметров, но на самом деле нас явно занесло куда сильнее, на пару метров, потому что передний бампер врежется в ограждение, металл со скрипом гнется и мы останавливаемся.

Я выдыхаю, обрадовавшись тому, что кто-то умный сообразил установить ограждение на этом опасном участке пути. И моего выдоха оказывается достаточно. Опоры, удерживающие стальную ленту, выдираются из скалы, словно рвется нитка, – хлоп, хлоп, хлоп.

И мы падаем. Я не успеваю закричать. Мы летим как ракета, я вишу на ремне прямо над лобовым стеклом, а мимо мчатся скалы, и снег, и деревья. Колесо с папиной стороны бьется обо что-то твердое, и нас бросает вперед, потом снова вниз, уже не по прямой. Мое плечо застревает между дверцей и приборной доской.

В следующую секунду фургон валится на бок, и я наблюдаю, как он скользит дальше, подпрыгивая на камнях и сугробах. Я смотрю вверх, не веря, что мы уже улетели настолько далеко от дороги, которая прячется так высоко вверху, за дальней грядой скал, так что я ее больше не вижу.

Я уже снаружи, но мне не холодно, и я совершенно сбита с толку, но лишь на миг.

Я мертва.

Осознать это было так же легко, как понять, что у тебя идет кровь, – ты просто видишь, как она течет. Я же вижу лишь снег и деревья – слишком отчетливые, слишком настоящие, чтобы быть сном. Я ощущаю свое тело – ноги, руки, сердце, дыхание, – но не чувствую ничего, имеющего отношение к реальности: ни холода, ни влаги, ни давления, ни воздуха.

Это жутко, но в то же время совершенно естественно. «Как рождение», – думаю я. Я не помню, как родилась, какую боль испытала, появляясь на свет, – но я сразу умела дышать, плакать, сосать молоко. Смерть во многом похожа на рождение – у меня не осталось точных воспоминаний о том, как я умерла, травма умирания забылась, но рефлексорное понимание этого нового состояния появилось сразу же. К этому непросто привыкнуть, в это нелегко поверить, и все же я сразу поняла, что умерла, что мое тело больше не часть меня.

Воет ветер. Как странно слышать его, но при этом не чувствовать. Я двигаюсь вслед за фургоном. Это несложно. Мне хочется взглянуть на него, и я гляжу – это как велеть руке за что-то схватиться. Моя душа существует, но у меня больше нет никакой физической формы, которая бы ее вмещала. Я свободно перемещаюсь туда, куда ведут меня мои мысли. Я не вижу ни белого света, ни черной пропасти. Я понимаю, что я здесь совершенно одна. И хотя я уже не жива, но я продолжаю ощущать себя частью реального мира, а мои чувства обострены так же, как и при жизни.

Фургон ударяется об огромный камень, отлетает к дереву и наконец замирает. Я с ужасом думаю о Мо и тут же оказываюсь внутри фургона, прямо над ней. Она лежит на боку, глаза широко раскрыты, руки вцепились в сиденье. Натали лежит напротив в такой же позе и громко вопит.

Оз свисает на ремне с того, что теперь оказалось потолком, и орет, требуя, чтобы папа остановился. Он держит Бинго: пес дергается, пытается высвободиться, но, как ни странно, даже не пытается укунить Оза, чтобы тот его отпустил.

Хлоя, Вэнс и Кайл – парень, которого мы подобрали на дороге, – скатились к водительскому сиденью, на них горой навалены все настольные игры, хранившиеся в шкафчиках фургона. В воздухе кружатся деньги и карточки из «Монополии», таблички для подсчета очков из «Скраббла». Мама, тетя Карен и дядя Боб грудой лежат посреди прохода.

Слышится папин стон – и вот я уже в кабине. Я зову маму. Истошно кричу. Папе нужна помощь, но меня никто не слышит. Передняя часть фургона вмята внутрь, папу зажало между рулем и окном водительской дверцы. У него сломана нога, нижняя часть бедренной кости прорвала джинсы и торчит наружу, все вокруг залито кровью. Лицо исполосовано осколками стекла, покрыто кристалликами льда. Кровь повсюду.

«Пожалуйста, – умоляю я, – помогите ему».

Папа открывает глаза и снова стонет, дрожа от боли и ужаса, пытаюсь понять, что произошло. Он бормочет мое имя, поворачивается, издает страшный крик. Я поворачиваюсь вместе с ним и тут же отвожу взгляд. Похоже, моя смерть не была мгновенной и безболезненной. Глаза и рот раскрыты в немом вопле, голова наполовину оторвана и нелепо свисает вперед, в сторону папы. И кровь – ее так много, и мне даже не верится, что вся она уместилась в моем теле. Кровь течет рекой и собирается в лужу рядом с папой.

Он тянется ко мне, пытается высвободиться, причиняя себе жуткую боль, и я ору ему, чтобы он не двигался, что со мной все в порядке, что я не мучилась. Я ору ему эти слова. Я воплю, я прокручиваю их в голове, но он меня не слышит. Он отчаянно пытается высвободиться, мышцы напрягаются, лицо кривится от ужаса и боли, а мне остается лишь смотреть и молиться. И вот наконец небеса слышат мои мольбы, и папа теряет сознание.

Мама высвобождается из-под тел дяди Боба и тети Карен. Кривясь от боли, она пробирается вперед. Она прижимает руку к ребрам, не может толком выпрямиться. По пути через лежащий на боку фургон она окидывает взглядом почти не сдвинувшихся со своих мест Мо и Натали, свисающего с потолка Оза. Не обращая внимания на его вопли и вой Бинго, мама подползает к телам, сваленным за водительским сиденьем.

Кайл откатывается в сторону и неуверенно садится, придерживая левую руку. Вэнс отодвигает лежащую на нем Хлою и тоже садится. Кровь повсюду: она заливает стены салона, пропитывает диван, стекает по Хлоиному лицу.

Вэнс встряхивается и осматривает себя, пытаюсь понять, его ли это кровь. Мама откидывает пряди волос с закрытых Хлоиных глаз. Вдоль линии роста волос на лбу у Хлои сочится красным рана длиной с полпальца. Мама срывает с шеи шарф, прижимает его к ране, и Хлоя стонет.

– С тобой все в порядке, – говорит мама.

Дядя Боб пробирается в переднюю часть фургона. – Займись ею, – говорит мама.

Дядя Боб приобнимает Хлою, укладывает ее на спинку скамейки, которая теперь лежит горизонтально, осторожно приподнимает шарф, чтобы осмотреть рану. Рядом с ними появляется тетя Карен. Она добирается до Натали, помогает ей встать и уводит в конец фургона.

Мама отталкивает Вэнса с Кайлом, заглядывает в кабину и замирает, охает так резко, что звук – совсем тихий, не громче шепота, – громом разносится по фургону, перекрывая и ветер, и метель, и вопли Оза. Кайл закрывает глаза, шевелит губами в безмолвной молитве. Вэнс, побелев, глядит на Хлою. По лицу Мо разливаются тревога и ужас, она тянется вперед, пытаюсь разглядеть то, что видит мама. Дядя Боб бросает взгляд в кабину, хватает Вэнса, сует ему шарф и прижимает его руку к ране на лбу у Хлои, а сам быстро пробирается вперед, чтобы помочь маме.

– Вот же черт, – бормочет он, оказавшись у нее за спиной.

Мама отшатывается, и дядя Боб ловит ее, не давая упасть. Мой труп выглядит так жутко, что, кажется, мама сейчас потеряет сознание. Все ее тело бьет крупная дрожь, но тут раздается папин стон, и этот звук словно подхватывает ее на краю пропасти. Я вижу, как она изо всех сил сжимает веки, словно в поисках какой-то внутренней силы, вся собирается и наконец поворачивается к папе и смотрит на него.

Он все еще тянется ко мне рукой. Мама пролезает между передними сиденьями, подбирается к нему.

– Джек, – говорит она и убирает ему волосы со лба.

– Финн, – стонет папа.

– Тс-с, – успокаивает его мама, и он снова отключается.

Тетя Карен и Натали сидят в конце фургона, вцепившись друг в друга.

– Мама, – говорит Натали, приподнимая голову от плеча тети Карен. Ей хочется узнать, что происходит в кабине.

– Тс-с, детка, не смотри. Все будет в порядке. Просто не смотри. – И тетя Карен еще сильнее притягивает к себе Натали.

Вэнс сидит рядом с Хлоей и прижимает к ее лбу мамин шарф. Мо все еще не может выбраться со своего места и пытается отстегнуть ремень. Оз свисает с потолка, сжимая в объятиях Бинго, и зовет папу.

Кайл тянется к Озу, собираясь ему помочь.

– Нет! – кричит Мо.

Кайл замирает, поворачивается к ней.

– Оставь его, – говорит Мо.

Оз пинается и вопит, но Мо права. Это не жестокость, а необходимость. Сейчас всем не до Оза, так что ему лучше остаться на своем месте. Кайл отворачивается от Оза, пытается помочь Мо расстегнуть ремень. Сейчас им всем тепло из-за адреналина, но буквально через пару минут они замерзнут. Лобовое стекло фургона разбито, по салону вольно гуляют ветер и метель. Папа присыпан снегом, мое мертвое тело уже наполовину скрылось под белым покрывалом.

Мама вытаскивает телефон.

– Черт, – говорит она, и по ее лицу разливается страх. Телефон не ловит. Дядя Боб сглатывает, вытаскивает свой телефон, качает головой.

– Надо перенести его назад, – говорит мама, быстро оценив ситуацию и сделав вывод, что теперь их главный враг – холод.

Папа кричит, пока мама с дядей Бобом, Вэнсом и Кайлом высвобождают его и перетаскивают назад. Его кладут на стену над сиденьем. Он в очень плохом состоянии: все лицо изрезано, джинсы насквозь промокли от крови. Мама и дядя Боб опускаются рядом с ним на колени, Вэнс возвращается к Хлое, а Кайл пробирается к Мо и снова пытается ее освободить.

– У меня в сумке есть ножницы, – говорит тетя Карен.

Кайл ползет к гигантской сумке тети Карен, улетевшей вперед вместе со всеми остальными вещами, и принимается в ней рыться. Он вытаскивает из сумки целую гору самых разных, мыслимых и немыслимых вещей – косметику, бумажные платки, антибактериальные салфетки, две пачки крекеров, мобильный телефон, записную книжку, пакет «M&M's», упаковку благодарственных записок – и наконец достает маленькие маникюрные ножнички. Он спешит обратно к Мо и разрезает ее ремень.

Оказавшись на свободе, она тут же пробирается мимо него в кабину. Кайл следует за ней. Увидев меня, Мо с криком отшатывается. Кайл подхватывает ее, отворачивает, прижимает ее лицо к своей груди, пытается оттащить обратно, в конец фургона. Но она отказывается. Вырвавшись из его объятий, она снова подбирается ко мне, берет меня за руку. Она тихо шевелит губами, разговаривает со мной, а по ее лицу текут слезы, и я уже скучаю по ней так сильно, словно мне надвое разорвали сердце, и плачу вместе с ней, отчаянно желая, чтобы все это оказалось лишь дурным сном.

Хлоя открыла глаза. Она забрала у Вэнса шарф и теперь сама прижимает его к ране, потрясенно оглядываясь по сторонам. Она смотрит на лежащего рядом с ней папу, потом поворачивается к кабине, и у нее в глазах встают слезы. Губы дрожат, и она сжимает их, чтобы не разрыдаться. Бинго жалобно тявкает. Хлоя смотрит на него.

– Вэнс, освободи Бинго, – просит она.

Вэнс вытаскивает пса из железных объятий Оза, и тот принимается вопить еще громче: его лицо краснеет как помидор от ярости и оттого, что он уже давно висит вниз головой.

Кайл смотрит на Оза. Я вижу, как сильно ему хочется освободить моего брата. Он сжимает зубы, напрягает все мышцы, унимая желание помочь.

– Что думаешь? – спрашивает мама у дяди Боба. Тот стоит на коленях возле папы, изучая его раны.

У дяди Боба бегают глаза. Он явно не представляет, что делать с подобными травмами. Он стоматолог, но даже не врач, а специалист по косметическому лечению, а то, что он видит перед собой, не имеет ничего общего с отбеливанием зубов или винирами. И все же он, выдержав весьма красноречивую паузу, довольно убедительно говорит:

– Нужно вправить ногу и остановить кровотечение.

Не знаю, что заставляет его произнести эти слова – его самолюбие или сила духа: то ли он слишком самонадеян и не может признать, что не знает, как быть, то ли пытается утешить женщин. В любом случае я ему благодарна. Его уверенный тон всех успокаивает: даже Оз перестал вопить и теперь лишь тихо скулит, свисая с потолка.

В хвосте фургона сидят Натали и тетя Карен. Они сжимают друг друга в объятиях, но обе уже дрожат от холода. Мо тоже дрожит, и мне хочется сказать ей, что нужно уйти назад, туда, где теплее, но она так и сидит возле меня, держит меня за руку и плачет.

Я никак не могу повлиять на происходящее, и мне остается лишь наблюдать. Это бессилие – самая отвратительная, самая ужасная пытка. Пожалуйста, умоляю я, помощи им. Но если даже где-то в этом новом мире и есть Бог, сейчас он так же невидим, как и в мире живых. Мои мольбы остаются без ответа. Мо, иди назад.

Мо не реагирует, но Кайл берет дело в свои руки. Не знаю, слышит ли он меня или просто понимает, что может помочь. Так или иначе, он наконец подползает к Мо и осторожно оттаскивает ее от моего тела, прочь от гудящего и бушующего

ветра.

Дядя Боб тянет папу за искалеченную ногу. Папа орет так, что дядя Боб тут же опускает руки. Бахвальство мгновенно сменяется паникой.

– Может, лучше оставить все как есть, – бормочет он.

Вот наконец неприкрытая правда. Дядя Боб зарабатывает тем, что дарит людям красивые улыбки. Он готов к происходящему не больше, чем все остальные в фургоне.

7

Первоначальный шок проходит, и они начинают осознавать, как в действительности обстоят их дела. Они застряли в дремучем лесу, на морозе, безо всякой надежды на помощь. Я мертва. Папа очень плох. У дяди Боба повреждена левая лодыжка. Хлое нужно наложить швы. Возможно, есть и другие повреждения, которых они просто еще не заметили.

Лобовое стекло разбито, и по фургону гуляет ветер. Холод пугает всех куда сильнее, чем травмы. Лучше всего к непогоде готовы Кайл и Оз: на обоих полный комплект лыжной одежды, зимние ботинки, перчатки. Мо одета хуже всех: ее тонкая шерстяная куртка, дырявые джинсы и модные сапоги совершенно не греют. Она дрожит от холода в конце фургона, рядом с тетей Карен и Натали. Мать и дочь крепко держат друг друга в объятиях, Натали тихонько скулит, тетя Карен утешает ее, приговаривая, что все будет в порядке.

– Что будем делать? – спрашивает Вэнс. – Кто пойдет за помощью?

Все смотрят на мою маму, но тут слышится папин голос. Папа цедит сквозь сжатые зубы:

– Никто. Надо продержаться до утра.

Всех в фургоне охватывает паника. Еще нет и семи, до утра не меньше двенадцати часов.

– Ни хрена подобного, – говорит Вэнс.

Вступает тетя Карен:

– Вряд ли мы сможем ждать так долго. Здесь слишком холодно.

– Придется, – говорит папа. Он дрожит, но скорее от боли, чем от мороза. – Там кромешная тьма и метель. Не понять, где верх, а где низ.

– Верх наверху, а низ внизу, – парирует Вэнс. – Вы как хотите, а я тут всю ночь сидеть не стану.

– Вэнс, Джек прав, – говорит мама. – Надо дожждаться рассвета.

– Я хочу есть, – говорит Оз, все еще висящий на ремне безопасности.

– Тебе придется подождать, – безучастно говорит ему мама.

– Вы обещали блины!

На этот раз мама его просто игнорирует.

– Блины! – Оза нельзя игнорировать.

Вэнс натягивает шапку:

– Хотите торчать тут – пожалуйста. Я иду за помощью. Хлоя, ты со мной?

Хлоино лицо залито кровью, она все еще прижимает к ране мамин шарф. Она переводит глаза с Вэнса на остальных и обратно.

– Нет, Хлоя останется, – говорит мама. – И ты тоже, Вэнс. Джек прав. Нужно дожждаться утра.

– Хлоя? – настаивает Вэнс, раздувая ноздри, с вызовом щуя глаза.

Она встает, пошатываясь от слабости.

– Хлоя, – говорит мама, и в ее голосе слышится страх, – ты должна остаться.

Вэнс притягивает Хлою к себе, властно обнимает за плечи. Мама тянется к ней:

– Хлоя, нам нужно держаться вместе.

Она даже не догадывается, что именно эти слова подталкивают мою сестру к решению. Хлоя откладывает мамин шарф, отворачивается и неуверенно пробирается к разбитому лобовому стеклу, изо всех сил стараясь не смотреть на мой труп, крепко сжимая зубы и дрожа. Вэнс идет прямо за ней и практически выпихивает ее наружу.

– Останови ее, Энн, – стонет папа, но мама ничего не может поделать.

Она просто стоит в кабине, глядит в черноту сквозь разбитое окно, но Хлою и Вэнса тут же поглощает снег, и они исчезают во тьме.

– Блины! – не смолкает Оз. – Я хочу есть!

Все делают вид, что Оза здесь нет, и только папа бормочет:

– Оз, блинов не будет, не сегодня. Позаботься о Бинго. Бинго тоже хочет есть, но у нас нет еды. Ему страшно, потому что он ничего не понимает. Ты должен о нем позаботиться.

От напряжения, которого папе стоила эта речь, у него закатываются глаза, и он теряет сознание. Но его слова действуют на Оза потрясающим образом. Папа единственный, кто действительно понимает Оза. Мой брат перестает орать и переключается на новую задачу.

– Мо, спусти меня, – говорит Оз. – Папа говорит, я должен позаботиться о Бинго.

Меня слегка удивляет, что он обратился к Мо. Но, оглядев всех, кто остался в фургоне, я признаю, что Оз сделал правильный выбор. У меня щемит сердце от мысли о том, что он уже нашел мне замену.

Даже теперь мама не смотрит на Оза. Она избегает его: точно так же некоторые люди не любят смотреть на собственное отражение, не желая видеть то, что видят все вокруг. Природа жестоко пошутила над мамой: из всех нас на нее больше всего похож именно Оз – у него та же золотистая кожа, те же карие глаза с длинными ресницами. Но, глядя на Оза, мы словно видим мамино отражение в кривом зеркале – искаженное, грубо преувеличенное. С самого его рождения мама просто не может на него смотреть.

Мама так и стоит, глядя в темноту и сжимая кулаки. Я знаю, что она никак не может решить, идти ли ей следом за Хлоей. Я чувствую, как она делает выбор. Невозможный выбор. Дочь ушла в морозную чащу. Сын и раненый муж остаются в фургоне. И еще Мо. Я умоляю маму остаться – из чистого эгоизма.

Мо встает, дрожа с головы до ног, аккуратно обходит папу и добирается до Оза. Кайл бросается к ней, желая помочь. Вместе они отстегивают ремень безопасности и помогают Озу встать.

Оз тут же устраивается в углу за водительским сиденьем и подзывает к себе Бинго. Он шепчет псу:

– Я знаю, ты хочешь есть, но надо подождать. Все хорошо. Все нормально. Я о тебе позабочусь. – Оз ворошит шерсть Бинго.

– Надо чем-то закрыть окно, – говорит Кайл, указывая на разбитое лобовое стекло.

Его слова вырывают маму из транса. Теперь ей уже поздно принимать решение: она слишком долго бездействовала, и потому ей придется остаться в фургоне.

– Он прав, – говорит мама, сморгнув слезинки. – Мы сможем пережить ночь, только если укроемся от снега и ветра.

Все осматриваются. В Миллер-мобиле нет почти ничего полезного. Это не настоящий дом на колесах, скорее фургончик для коротких выездов на природу, металлическая коробка со столом и сиденьями, которую можно набить досками для серфинга, каяками или велосипедами.

– Снег, – говорит Мо. – Возьмем доски от настольных игр и палки, если сумеем их найти, а поверх сложим стену из снега, как делают эскимосы.

Мо умница. Я уверена, что однажды она совершит что-нибудь великое. Она прямо как Макгайвер[4 - Главный герой американского телесериала «Секретный агент Макгайвер», умный и находчивый персонаж, обладающий энциклопедическими знаниями.]: дайте ей скрепку и изоленту, и она смастерит реактивный самолет. Кайлу не нужно повторять дважды. Он тут же натягивает перчатки и пробирается к окну. Следом хромот дядя Боб, за ним ползут мама и Мо.

Мама оборачивается, морщится от резкой боли. Она медленно выдыхает, ждет, пока боль отступит, и говорит:

– Мо, останься в фургоне.

– Я могу помочь, – говорит Мо. У нее посинели губы, а зубы стучат.

– Останься, – твердо повторяет мама, и на этот раз Мо ей не возражает.

Мама вылезает наружу, а Мо возвращается к папе. Она неудержимо дрожит, но все-таки умудряется расстегнуть ему куртку и вытащить его руки из рукавов. Она скрещивает их у него на груди, снова застегивает куртку и завязывает рукава узлом, так что куртка превращается в кокон и папины ладони оказываются в тепле.

От всех этих маневров папа приходит в себя.

– Финн? – бормочет он, глядя по сторонам широко распахнутыми глазами. Он явно ничего не понимает.

– Это я, мистер Миллер, – говорит Мо дрожащим голосом.

Поняв, что это не я, папа начинает плакать, и слезы замерзают у него на изрезанных щеках.

– Спасибо, – говорит он и снова отключается.

Мо смотрит на его ногу и морщится. Ее пугает не кровь, а мысль о том, как ему больно. Я вижу, что она хочет, чтобы он подольше не приходил в себя. Она переводит взгляд на его лицо и вдруг замечает что-то в кармане его куртки. Это перчатка. Мо запихивает ее поглубже в карман.

8

В фургоне страшно холодно, но на улице во много раз холоднее. Ветер свирепо ревет, сбивая снег в твердые куски льда, которые хлещут по коже, разрывая ее. Мама поднимает голову, смотрит вперед, сощулив глаза, пытаюсь обнаружить следы Хлои и Вэнса, но ничего не видит. Перчатки есть только у Кайла. Мама обмотала руки шарфом. Дядя Боб заползает обратно в фургон, я следую за ним.

– Оз, дай мне свои перчатки, – говорит дядя Боб, добравшись до моего брата.

Плохая идея. Оз все еще сжимает Бинго, гладит его одетой в перчатку рукой. Оз одет очень тепло, потому что папа пообещал, что после ужина они с ним слепят снеговика прямо перед рестораном: они делают так каждый раз, когда мы бываем в «Поместье гризли».

Мо глядит на карман папиной куртки, но ничего не говорит.

– Я их верну, – говорит дядя Боб. – Они мне нужны, чтобы построить стену и защитит нас от ветра.

– Нет, – говорит Оз в своей обычной грубой манере, скрещивает руки на груди и прячет руки под мышки.

– Отдай перчатки, – приказывает дядя Боб, решив избрать другой метод, и властно протягивает ладонь к моему брату.

Я таращу глаза. Пытаться спорить с Озом, урезонивать его, просить его о чем бы то ни было или даже уговаривать – пустая трата времени. Это просто бессмысленно. Но дядя Боб, каким бы умным он ни был, порой проявляет потрясающую глупость. Хотя он и знает моего брата с самого его рождения, все равно не понимает, что? с ним не так.

Я считаю, что Оз устроен очень просто. Кто-то скажет, что он тупой, но это не так. Мозг у моего брата работает самым примитивным образом, руководствуясь чаще всего импульсами, а не мыслями. Если Озу хочется печенья, он его ест. Если ему нужно в туалет, он снимает штаны и делает свои дела. Его разум не способен на продуманные действия или сложные чувства вроде сопереживания, эмпатии или участия. Он понимает, каковы его собственные потребности, и удовлетворяет их, основываясь на примитивных инстинктах. Нельзя сказать, что он не способен любить или заботиться. Сердце у него огромное, как у слона, но важно представить ему вещи так, чтобы он сумел их понять. Если бы дядя Боб попросил его помочь заложить окно, Оз бы трудился, пока хватило сил, и ни разу бы не пикнул. Если бы дядя Боб предложил Озу поделиться – «одну перчатку мне, другую тебе», – Оз, возможно, согласился бы или даже позволил дяде Бобу пользоваться перчатками «по очереди». Такие идеи Озу знакомы, он их понимает.

Но дядя Боб этого не знает. Для него Оз всего лишь дурачок с перчатками, которые нужны ему, дяде Бобу, чтобы заложить окно. Он нетерпеливо подступает к моему брату, и теперь вся его напускная доброта куда-то делась, глаза потемнели и помрачнели.

Озу всего тринадцать, и потому дядя Боб думает, что может просто отнять у него перчатки. Это глупо. Хотя дядя Боб выше Оза на пять сантиметров, старше на тридцать лет и во много раз умнее, думать так – все равно что считать, что ты одолеешь гризли просто потому, что ты выше, старше и умнее его.

Дядя Боб хватается Оза за рукав и тянет на себя его руку в перчатке. Оз стремительно, словно акула, ныряет вперед и кусает его. Очень сильно. Дядя Боб отдергивает руку. У него на коже проступают следы от зубов.

– Животное, – шипит он. – Чертова зверюга.

Оз сует ладони в перчатках обратно под мышки, а дядя Боб, страшно ругаясь, снова выбирается наружу несолоно хлебавши. Мама с Кайлом возятся возле шасси нашего фургона. Они вытащили из кабины мой труп и перенесли его на склон, под Миллер-мобилем, чтобы мое тело не завалило снегом, когда они будут перекрывать лобовое стекло. Меня положили за переднее колесо, чтобы хоть немного укрыть от метели.

Мама, плача, раздевает меня – снимает с меня угли, носки и тренировочные штаны. Кайл стаскивает парку и толстовку. Я смотрю на них и радуюсь, что на улице так темно и Кайл не видит меня голой. Смешно, я ведь умерла, а мне все равно неловко. Когда они заканчивают, мама втаскивает одежду в фургон через лобовое стекло.

– Надень, Мо, – говорит она, кладя груду вещей рядом с моей подругой.

Мо громко сглатывает и вздрагивает – не только от страшного холода. Кровь у меня на парке видна даже в кромешной тьме.

– Это вещи Финн? – спрашивает Натали, слегка заикаясь, и я понимаю, что, возможно, она лишь теперь заметила, что меня нет, или вспомнила, потому что так до конца и не осознала, что происходит.

Мама поднимает голову, словно удивляясь, что перед ней сидят тетя Карен и Натали. Может, она вообще забыла, что они здесь, в фургоне.

Глаза у тети Карен бегают из стороны в сторону, зрачки расширены.

– Сапоги должна надеть Натали, – говорит она, оценив своим диким взглядом ворох одежды, и снова прижимает к себе дочь.

У мамы перекашивается лицо, она явно пытается понять смысл слов тети Карен, перенаправить свои мысли, чтобы включить в них дополнительные данные. Сапоги и у Мо, и у Натали почти совсем не греют. У мамы на ногах высокие ботинки на шнуровке, в которых тоже не намного теплее.

Может, все дело в ярости, с которой тетя Карен глядит на маму, или в том, что тетя Карен никак не помогает заложить разбитое лобовое стекло, или в том, что

я мертва, а Мо – моя лучшая подруга, или в том, что мама пообещала миссис Камински приглядеть за Мо, или в том, что мама неспособна сейчас изменить свое решение. В любом случае мама отворачивается от тети Карен и повторяет:

– Надень, Мо.

Затем она, не сказав больше ни слова, разворачивается и исчезает во тьме. Мо с огромным трудом заставляет себя выполнить ее приказ. Все ее мышцы яростно сокращаются, пальцы на руках смерзлись и не хотят разгибаться. В конце концов ей удается влезть в мою толстовку и парку. Потом она расстегивает молнии на своих сапогах, натягивает мои треники поверх джинсов, сует ноги в мои слишком маленькие для нее угги. Носки она надевает на руки вместо варежек. Напоследок она затягивает капюшон моей парки, прячет в него подбородок, наглухо закрываясь от ветра и пристального взгляда тети Карен.

9

Мама, Кайл и дядя Боб мужественно работают, пытаюсь отгородить салон фургона от снежной бури – такой свирепой, что мне вспоминаются истории об океанских штормах, в которых вмиг может погибнуть целый гигантский корабль. Ледяной ветер дует так сильно, что я с ужасом думаю о Хлое, застрявшей где-то посреди этого страшного бурана, – и тут же оказываюсь рядом с ней. Поняв, в какую передрыгу она попала, я на миг перестаю дышать.

Вэнс и Хлоя совершили непростительную ошибку. Они уже потерялись, окончательно и бесповоротно: теперь они даже не знают, куда им идти. Вокруг кромешная тьма, ветер и мороз бьют их в грудь и в лицо, а они все пытаются на ощупь отыскать путь сквозь заснеженную холмистую тундру. Они то проваливаются по колено в сугробы, то спотыкаются о камни и ледяные надолбы, то куда-то скатываются. Вэнс пытается определить, где верх, а где низ, но у него ничего не получается – верх то и дело становится низом, а склон с каждой минутой будто становится все более крутым и бугристым.

Правильнее всего сейчас было бы остановиться, укрыться за деревом, дождаться рассвета, но от отчаяния и мороза все мысли в голове у Вэнса заledenели, и он прет вперед, часто оборачиваясь на Хлою, помогает ей, когда

она спотыкается, уверяет ее, что все обойдется. Хлое нехорошо. Лоб больше не кровоточит, но с ней явно что-то не так. Она толком не держится на ногах, пошатываясь словно пьяная.

– Иди один, – говорит она, когда ее нога застревает под камнем и Вэнс возвращается ей помочь.

Проходит бесконечно долгий, полный сомнений миг – я успеваю заледенеть от страха, – прежде чем Вэнс наконец отвечает:

– Нет, я тебя не брошу.

Хлоя всхлипывает, кивает, и они снова бредут дальше. Она ковыляет сзади, пытаюсь не отстать от Вэнса, а тот упорно, отважно прокладывает путь, все еще веря, что окажется героем и сумеет всех спасти.

10

Мама, Кайл и дядя Боб влезают обратно в фургон через боковую дверцу, после падения ставшую люком в крыше. Всех троих бьет крупная неумная дрожь. Кайл первым спускается в проем, двигаясь ловко, как заправский спортсмен. Мама следующая. Когда Кайл берет ее за талию, чтобы помочь спуститься, она морщится от боли. Затем они вдвоем помогают дяде Бобу: тот неуклюже протискивается в отверстие, но, едва его ноги касаются пола, поврежденная лодыжка подгибается, и он падает.

Тетя Карен вскакивает со своего места, помогает ему подняться, уводит назад и сажает рядом с Натали, а сама садится с другой стороны. Она растирает ему ладони, обматывает его покрасневшие от холода уши своим шарфом. Мама падает рядом с папой, дрожа всем телом. Дрожь такая сильная, что кажется, будто у нее припадок. Кайл отыскивает местечко в углу, усаживается, подтягивает колени к груди, пытается согреться. Сейчас восемь вечера.

– Нас будут искать, – говорит тетя Карен спустя несколько минут, когда все наконец осознают, насколько плохи дела.

Все взгляды с надеждой устремляются на Кайла и Мо, ничейных детей, единственных, о ком могут тревожиться их оставшиеся дома родные. Кайл мотает головой:

– Соседи по комнате решат, что я ночую у девушки. Моя девушка решит, что я дома.

У Мо дрожит нижняя губа. Она признается:

– Я заставила маму поклясться, что она не станет звонить, и сказала, что сама тоже не будут ей звонить. Мы из-за этого страшно поссорились.

Надежда рассеивается. Никто не станет их искать – ни сегодня, ни завтра. Пройдет еще пара дней, прежде чем хоть кто-то заметит, что они пропали. Мама жмурится, и я знаю, что она думает о Хлое. Я вижу, как каменеет ее лицо оттого, что она изо всех сил сжимает зубы. Мо даже не пытается скрыть свои чувства – она утыкается лицом в колени и тихо плачет.

Идут минуты – долгие, как часы. В фургоне свободно гуляют мороз и ветер. Все борются с холодом по-разному. Натали причитает и плачет в плечо тете Карен, а та утешает ее, уговаривает успокоиться, потерпеть. Дядя Боб без конца ерзает и возится, пытаясь согреться. Мама и Мо ложатся по обе стороны от папы и молча плачут, скорбя обо мне, тревожась за папу, за Хлою и Вэнса. Папа, к счастью, не приходит в сознание, и лишь его хриплое дыхание и редкие стоны подтверждают, что он все еще жив. Кайл зарылся с головой в свою парку: он еще дрожит, и все же ему явно лучше, чем всем остальным, за исключением Оза. Мой брат спокойно спит, у него на коленях устроился Бинго, и кажется, что им обоим нет никакого дела ни до мороза, ни до разыгравшейся трагедии.

Я смотрю на них сверху, чувствую, как они мучаются, извожусь от желания им помочь, но ничего не могу сделать. Так мы проводим первые несколько часов. Ближе к полуночи холод становится невыносимым, и различия в том, как именно мучается каждый из сидящих в фургоне, постепенно стираются: теперь все просто пытаются выжить. Никто не двигается, не жалуется, не ноет. Все закрыли глаза, втянули головы в плечи, съежились и молят лишь об одном – чтобы скорее наступило утро, чтобы им удалось до него дотянуть.

Когда мне становится совсем неважно смотреть на их страдания, я возвращаюсь к Хлое, моля небеса о том, чтобы какая-нибудь неведомая сила чудом вывела их с Вэнсом на верную дорогу, чтобы они добрались до помощи, чтобы всех остальных как можно скорее спасли.

11

Бог жесток. Или он нас не слышит.

Хлоя и Вэнс так и бредут сквозь черную промерзшую пустошь, совершенно неотличимую от черной промерзшей пустоши, по которой они брели последние шесть часов. Расстояние между ними увеличилось, Хлоя все чаще оступается, Вэнс все реже оглядывается назад.

Я держусь рядом с Хлоей. Она с трудом ковыляет по сугробам. Сил у нее почти не осталось, она угрожающе пошатывается на каждом шагу. Мы оступаемся и попадаем в занесенную снегом яму, и Хлоя валится на колени, не может встать.

Хлоя, вставай.

Она держит руки в карманах, прижимает подбородок к груди. Вэнс оборачивается, видит ее, делает шаг назад и увязает в снегу почти до колена. С огромным трудом он высвобождает ногу и отступает обратно, на твердую землю. Он долго стоит там, смотрит на нее сквозь завесу пурги, и я чувствую, как он сомневается, колеблется, как ему страшно. Их разделяет метров тридцать – все равно что океан: чтобы переплыть его, Вэнсу потребуется сделать невероятное усилие.

На его обмороженных щеках замерзают слезы. Он стирает их тыльной стороной заледенелой ладони, отворачивается и шагает прочь. И хотя сейчас я ненавижу его всей душой, я в то же время его понимаю. Он всего лишь ребенок, потерявшийся в заснеженном лесу. Он не хочет умирать. Если он останется, то умрет. Умрут они оба. Вот почему он делает один шаг, а потом еще один.

Через десяток шагов он останавливается, и я вижу, как он вдруг осознаёт, что натворил. Стыд бьет его наотмашь. Он разворачивается, на лице застывает ужас, и вот он уже отчаянно вглядывается в ревушую тьму, пытаюсь найти путь назад, изменить то, что только что сделал, вернуть назад человека, которым он себя считал. Но, подобно многим поступкам, которые нам так хотелось бы не совершать, этот поступок уже нельзя отменить: слишком поздно, следы замело, Хлоя пропала.

Вэнсу кажется, что он различает тропу. Он бросается по ней – но не может вернуться назад. Он близко и все-таки слишком далеко, так что Хлоя его не слышит, а он ее не видит. Я вижу их обоих и хочу им помочь, указать путь. Я рядом с ним, но он совсем один и даже не представляет, как близок к цели.

В конце концов Вэнс – совершенно потерянный, промерзший до костей – теряет последнюю надежду. Я вижу, как он бредет прочь, в направлении, которое кажется ему правильным, уповая на то, что он вот-вот вызовет подмогу и тогда кто-то другой вернется сюда и спасет Хлою.

Я смотрю на все это и на миг представляю, что вот он, ад: никому не видимое, безмолвное существование без возможности помочь тем, кого я люблю. Сейчас я могу лишь наблюдать за тем, как они мучаются и страдают. Когда я была жива, то не молилась, у нас в семье не было принято ходить в церковь. Не за это ли я проклята? Быть может, я несу наказание, ибо не верила так, как должна была, не каялась в своих грехах.

Я каюсь теперь. Я всей душой, всем сердцем молюсь, я прошу Бога пощадить мою семью и Мо, и тетю Карен, и дядю Боба, и Натали, и Вэнса, и Кайла, прошу избавить их от страданий, а меня забрать из этого мира – если не на небо, то хотя бы туда, где я обрету покой, где все мои тревоги растают и мне больше не придется смотреть на гибель всех тех, кого я люблю. Хлоя так и стоит в снегу на коленях, не вынимая рук из карманов и тяжело дыша.

Борись, Хлоя, умоляю я. Пожалуйста, Хлоя, прошу тебя, ты должна. Постарайся.

И она словно слышит меня. Сделав невероятное усилие, она встает на ноги, отходит вправо, к крепкой толстой сосне, сползает в заснеженную яму у ее корней и сворачивается клубком.

Бесконечная ночь наконец рассеивается, черноту сменяют серые сумерки. Когда светает настолько, что мама может рассмотреть облачко пара, поднимающееся над ней при каждом выдохе, она откатывается от папы и с большим трудом распрямляется. Папа страшно бледен, и я вдруг пугаюсь, что он умер. Меня охватывает горе, но тут Мо, лежавшая с другой стороны от него, садится, и папа стонет. Я сглатываю слезы и вижу, как мама делает то же самое.

Раны, полученные при аварии, за ночь стали еще заметнее. Теперь, утром, совершенно ясно, что маме очень больно: у нее повреждены ребра, так что она не может разогнуться. Папино лицо распухло и посинело так, что его невозможно узнать. Его джинсы черны от крови, он едва дышит. Дядя Боб вытаскивает ступни Натали из рукавов своей куртки: он здорово придумал, иначе она наверняка обморозила бы себе пальцы ног. Он морщится от боли, приподняв свою поврежденную левую ногу: лодыжка сильно распухла и кажется раза в два толще правой.

У Кайла синяк на левой щеке и побаливает плечо: он крутит им, пытаюсь отогнать боль. Других повреждений у него, кажется, нет. Все остальные – тетя Карен, Натали, Мо и Оз – в порядке, если не считать изнурения, жажды, голода и холода.

Дядя Боб на одной ноге скачет к двери и, взобравшись на край стола, распахивает ее. В фургон врывается морозный воздух. Дядя Боб довольно высокий, так что его голова торчит из фургона наружу, но с одной здоровой ногой он никак не может выбраться сам. Он нервно возится, пытается подтянуться на руках: ему явно нужно отлить.

Кайл встает на край сиденья рядом с дядей Бобом, сцепляет руки, подсаживает его и помогает выбраться на улицу.

– Тебе нужно в туалет? – спрашивает Кайл у моего брата.

Оз кивает, и Кайл говорит ему:

– Тогда иди сюда.

– И Бинго тоже, – говорит Оз.

– И Бинго тоже.

Мо чуть не плачет, видя, какую заботу проявляет Кайл.

Озу помогать не нужно. Он встает на край стола, с легкостью подтягивается и вылезает сквозь дверцу наружу. Кайл поднимает Бинго, и Оз тут же перехватывает его и вытаскивает на улицу. Кайл вылезает вслед за Озом и захлопывает за собой дверцу.

Мама осматривает папу. Она обследует его изувеченную ногу, проверяет пульс, а потом нежно – нежнее, чем когда-либо на моей памяти, – касается губами его губ.

– Я пойду за помощью, – шепчет она ему, проверяет карманы его куртки, вытаскивает перчатки и убирает их к себе в пальто.

Я на миг задумываюсь о том, откуда она узнала про перчатки и почему не надела их ночью, но тут же вижу ответ во взгляде, который она бросает на Мо. Та смотрит на дверцу, за которой только что скрылись дядя Боб, Кайл и Оз. Доверие. Мо сказала ей про перчатки. Они доверяют друг другу, но ни одна из них полностью не доверяет остальным.

Мужчины возвращаются. Кайл первым залезает в фургон и принимает Бинго из рук Оза. Затем они с Озом помогают дяде Бобу.

– Подожди там, Оз, – говорит Кайл. – Теперь очередь девушек, поможешь им вылезти.

Кайл по очереди подсаживает всех женщин, а Оз вытаскивает их наружу. Кайл каждый раз говорит: «Молодец, Оз», и мой брат расплывается в гордой улыбке.

Метель ярится уже не так сильно, как ночью. Ветер еще не стих, на улице морозно, но теперь ясно видны деревья и можно понять, где верх, а где низ.

Тетя Карен и Натали быстро делают свои дела и спешат вернуться в фургон. Мама удерживает Мо за рукав. Оз стоит рядом, собираясь помочь им забраться обратно.

– Я пойду за помощью, – говорит мама.

Мо прикусывает нижнюю губу, чтобы унять дрожь и сдержать слезы, которые вот-вот хлынут у нее из глаз. Мама притягивает ее к себе, и плотину прорывает: Мо ревет у нее на плече. А мне так странно видеть, как мама обнимает ее, как ерошит ей волосы. Не помню, чтобы мама хоть когда-нибудь так обнимала меня, чтобы она была так нежна со мной. Кажется, она никогда так не обнимала ни Хлоу, ни Обри. Я чувствую укол ревности. Интересно, будь я на месте Мо, стала бы она меня так утешать?

Мама тихо говорит Мо:

– Ты должна присмотреть за Озом и Джеком. Позаботься о них, пока я не вернусь со спасателями. – В ее словах слышится тревога.

Мо отстраняется, утирает слезы, а потом делает нечто удивительное, настолько соответствующее ее характеру, что моя тоска по ней еще усиливается.

– Наденьте сапоги, – говорит она, плюхается в снег и снимает угги. Она держит ноги на весу, чтобы они не промокли.

– Мо...

– Не спорьте. Вам нужно добраться до спасателей, и сапоги Финн вам помогут.

Мо старательно подбирает слова, и мама кивает, а потом садится рядом с ней, чтобы расшнуровать свои ботинки. Мои угги маме как раз впору. Мы уже два года носим обувь одного размера.

Из фургона показывается голова Кайла:

– Что у вас тут происходит?

– Не спорю, мы неплохо проводим время на морозе, – бодро говорит мама, отвлекая его внимание от Мо, – но мне кажется, пора выбираться отсюда. Я иду за помощью.

Кайл тут же вылезает из фургона и говорит:

– Я пойду с вами.

Мама кивает, и на этом лаконичное вступление оканчивается. Они тут же принимаются карабкаться на склон, к дороге, с которой упал наш фургон. Оз помогает Мо залезть обратно на Миллер-мобиль, и они вдвоем смотрят вслед маме и Кайлу, пока те не исчезают за прозрачной снежной пеленой. Только я замечаю, что мама даже не попрощалась с Озом.

13

– Куда они ушли? – спрашивает Оз.

– За помощью, – отвечает Мо.

– Я хочу есть.

– Я тоже, – говорит Мо, и эти простые слова, как ни удивительно, действуют. Оз кивает.

Тетя Карен, дядя Боб и Натали глядят на вернувшихся Мо и Оза из своего гнезда в конце фургона.

– Где Энн? – спрашивает дядя Боб.

– Ушла за помощью.

– Слава богу, – выдыхает тетя Карен.

По лицу дяди Боба разливается тревога. Он упирается взглядом в снежную стену на месте лобового стекла, сгибает левую ногу и морщится, словно демонстрируя – то ли себе самому, то ли всем вокруг, – что у него есть причина не быть сегодня героем.

– И парень с ней? – спрашивает он с явным беспокойством в голосе.

– Кайл, – говорит Мо и садится рядом с папой.

Она сильно прикусила губу, чтобы та не дрожала. Оз возвращается в свой угол, укладывает Бинго себе на колени. Дядя Боб так и глядит на стену из снега, а тетя Карен смотрит, как Мо стаскивает мамины ботинки, которые ей малы, и надевает свои обледеневшие сапоги, пытаясь впихнуть замерзшие пальцы ног в негнущиеся кожаные голенища. На лице у тети Карен явно читается горечь из-за того, что мои угги достались Мо, а не Натали.

Выражение лица Натали разгадать куда сложнее. Брови слегка приподняты, и я не могу утверждать наверняка, но, кажется, помимо презрения, которое она явно скопировала с матери, я вижу у нее на лице проблеск уважения. Возможно, она понимает, что, если бы мама отдала ей мои угги, ей бы даже в голову не пришло их вернуть.

Застегнув сапоги, Мо пробирается к кабине. Мамина и Хлоина сумки все еще лежат там, куда они приземлились после аварии, – за спинкой водительского сиденья – вместе с игральными картами, покерными фишками и буквами от «Скраббла». Свою сумку тетя Карен забрала и держит при себе.

Сначала Мо разбирает содержимое маминой сумки: несколько сотен долларов наличными, кредитки, солнечные очки, щетка для волос, пара десятков чеков, шесть ручек, тампоны, меню ближайшего к нашему дому тайского ресторана. В Хлоиной сумке обнаруживается куда более щедрый улов: помимо бесполезной косметики и оберток от конфет в ней лежат потрепанный экземпляр «Гордости и предубеждения», пара черных колготок и зажигалка. Мо воровато сует колготки в карман и откладывает в сторону книгу, зажигалку, чеки и наличные. Затем она лезет дальше в кабину, на миг замирает при виде пропитанных кровью сидений, открывает бардачок и вытаскивает оттуда несколько карт, папину шапку и морковку: папа прихватил ее для снеговика, которого собирался слепить вместе с Озом. Мо прячет морковку в карман, к колготкам, а шапку и бумагу несет

обратно в фургон.

При виде шапки лицо дяди Боба темнеет. У него нет своей шапки, и мне становится не по себе. После ухода мамы и Кайла расстановка сил явно изменилась. Теперь дядя Боб, тетя Карен и Натали оказались на одной стороне, а мой папа, Мо и Оз – на другой. Я смотрю туда, где лежала сумка тети Карен, и вижу, что теперь сумка спрятана под сиденьем.

Мо растягивает папин капюшон, и дядя Боб словно выныривает из глубины на поверхность. Он встряхивает головой, как будто очнувшись от морока, и встает.

– Я помогу, – говорит он.

Держа поврежденную ногу на весу, он скачет к Мо, садится рядом с ней и поднимает папину голову, чтобы Мо смогла надеть папе шапку.

– Спасибо, – говорит Мо и снова затягивает папин капюшон.

Дядя Боб кладет руку папе на грудь:

– Держись, Джек. – С этими словами он ковыляет обратно к своей семье, а Мо съезживается рядом с моим папой.

14

Мама и Кайл быстро понимают, что не смогут просто вскарабкаться вверх по склону, прямо к дороге, с которой упал наш фургон. Обледеневший каменный склон неприступен, к тому же на нем не найти убежища от шквалистого ветра, что бьет прямо в гранитную скалу и не пощадит их, едва они взберутся выше верхушек деревьев. Беспощадный ветер легко сорвет со склона даже самых опытных скалолазов.

Они решают двигаться под углом. Мама следит, чтобы солнце все время светило им в спину: они хотят идти строго на север, в направлении города. Когда есть возможность, они карабкаются прямо вверх, но чаще всего натыкаются на

непреодолимые препятствия и вынужденно спускаются обратно вниз.

Сначала мама идет впереди, но вскоре становится ясно, что у Кайла больше сил, и они меняются местами. На самых крутых подъемах он взбирается первым, а затем с помощью маминого шарфа помогает залезть ей. Они продвигаются вперед очень медленно и непоследовательно. Я вижу, что они все же понемногу приближаются к дороге, но они об этом не знают. У мамы обветрены губы и до крови ободраны щеки, зато от ходьбы она явно согрелась: похоже, только ее ступни так и болят от холода.

Кайл выглядит так, словно ему все нипочем, – впрочем, возможно, он просто не привык жаловаться. Он стойко идет вперед, прокладывая дорогу, и часто оборачивается назад, проверяет, где мама. Чем больше я наблюдаю за ним, тем сильнее им восхищаюсь и тем больше мне хочется узнать о нем хоть что-то: кто он, какая у него семья, кто его девушка, как вышло так, что он живет в городке Биг-Бэр, о чем он думает, страшно ли ему. Как странно, что он участвует во всем происходящем сейчас с нами, а мы о нем почти ничего не знаем.

По пути мама озирается, словно ястреб, и я чувствую, что она надеется наткнуться на Хлою и Вэнса. Я одна знаю, что их здесь нет и что между ними сейчас пролегло бескрайнее море снега, скал и деревьев, что Хлоя до сих пор сидит под деревом, у корней которого рухнула прошлой ночью, а Вэнс уходит все дальше в лесную чащу.

15

– Оз, подсадишь меня еще раз? – говорит Мо.

– Куда ты? – спрашивает дядя Боб с явным подозрением в голосе. Недоверие между сидящими в фургоне растет с каждой минутой.

– Хочу добыть нам воды.

Натали поднимает голову, тетя Карен облизывает губы. Все здесь ничего не ели и не пили с тех пор, как мы выехали из коттеджа пятнадцать часов назад.

Дядя Боб моргает, и недоверие в его взгляде сменяется стыдом.

– Тебе помочь?

Мо слишком быстро качает головой ему в ответ:

– Я просто принесу немного снега.

Мой брат сцепляет руки как Кайл и помогает Мо выбраться наружу. Она закрывает за собой дверцу и щурится от слепящего, ставшего очень ярким дневного света. Я вся дрожу от холода, глядя, как Мо садится прямо на дверцу, на которой нет снега из-за того, что ее постоянно открывали и закрывали, стягивает мои треники и свои джинсы, надевает под них Хлоины колготки.

Я улыбаюсь ее находчивости: я знаю, что она нарочно выждала некоторое время, чтобы остальные успели забыть о находках, которые она сделала, когда рылась в сумках и бардачке.

Мо быстро одевается, и мы обе чувствуем ее стыд оттого, что на ней сейчас тот самый лишний слой одежды, в котором отчаянно нуждается Хлоя. Я вижу, как Мо закрывает глаза и молча молится. Я молюсь вместе с ней и надеюсь, что Хлоя чувствует мое присутствие. Одевшись, Мо быстро откусывает два кусочка морковки, убирает ее обратно в карман, сгребает снег с крыши фургона прямо в Хлоину сумку. Потом она снова открывает дверь фургона, и Оз помогает ей спуститься.

Дядя Боб, тетя Карен и Натали с любопытством смотрят, как Мо перебирается через сиденье к боковому окошку фургона, которое теперь лежит на земле. Мо разламывает пополам мамин футляр от очков, вынимает фетровую вставку и тщательно отковыривает клей. Она достает зажигалку и поджигает страницы «Гордости и предубеждения»: получается костерок, на котором она плавит снег в футляре от очков. Чехол совсем неглубокий, в него вмещается всего пара глотков воды, но способ работает: десятка страниц хватает, чтобы получить полный футляр бесценной жидкости.

Мо вливает воду в пересохший папин рот, и я радуюсь, увидев, как он глотает. Следующую порцию воды Мо дает Озу. Тот жадно выпивает воду и повторяет, что ему хочется есть.

– Мне тоже, – говорит Мо.

Очередная порция достается Натали. Та благодарит Мо.

– Бинго, – говорит Оз, когда Мо вновь поджигает бумагу под футляром.

Дядя Боб и тетя Карен молча смотрят на Мо и ждут, пока она решит, кто следующим получит заветный напиток – они или собака. Сама Мо еще не выпила ни капли воды.

Когда снег уже почти растаял, Мо смотрит на Оза. – Оз, Бинго – собака – говорит она. – Он может прожить без воды гораздо дольше, чем люди.

– Нет, – говорит Оз, сильнее прижимая к себе Бинго. – Он хочет пить.

Мо передает футляр тете Карен, и та аккуратно берет его из ее дрожащих рук.

Нет, кричу я, сейчас очередь Мо. Она следующая, и она – РЕБЕНОК. Внезапно я понимаю, что испытываю бескрайнюю ненависть к тете Карен. Из всех поступков, которые она совершила – или не совершила – после аварии, этот разозлил меня больше всего.

Тетя Карен несет футляр к губам, но делает это слишком медленно. Оз бросается вперед и хватает футляр. Тетя Карен не сдается и наклоняется вперед, чтобы поскорее выпить воду. Тут-то все и происходит. Из-за какого-то глотка воды Оз ее бьет. Это даже не удар, а лишь подобие, его кулак скользит по ее щеке, но брат так силен, что и этого достаточно: голова тети Карен откидывается в сторону. Она с криком выпускает из рук футляр, и половина воды разливается.

Оз этого не замечает. Он осторожно несет остатки воды Бинго, и пес жадно пьет. Дядя Боб обнимает тетю Карен, с ужасом глядя на моего брата. Оз отдает футляр Мо и требует:

– Еще.

Мо подчиняется, дрожа всем телом. Ее белые, насквозь промерзшие пальцы наполняют снегом футляр от очков. Она вырывает из книги еще несколько страниц и поджигает их.

– Он нас всех погубит, – бормочет тетя Карен прямо в грудь дяде Бобу. – Либо он сам нас убьет, либо мы все из-за него погибнем. Вспомни, что было с той собакой.

При упоминании о собаке у меня леденеет кровь. Три месяца назад Оз вбил себе в голову, что Бинго одинок и ему нужен друг. И Оз нашел ему друга – соседского пса, щенка бигля. Сосед вышел из дома и, обнаружив у себя в саду Оза, попытался его прогнать, а Оз испугался и стиснул щенка так сильно, что вывихнул ему плечо и сломал несколько ребер.

Против нас подали иск, сообщество жителей нашего района вынесло нашей семье предупреждение, и мама сорвалась. Она сказала, что мы не справляемся с Озом, что пора искать альтернативные способы решения нашей проблемы, и это привело папу в полнейший ужас. Он поставил детские замки на все двери в доме, установил камеры в каждой комнате и две недели спал на пороге комнаты Оза. Наблюдать за этим было страшно, печально, мучительно.

Мо смотрит на дядю Боба, потом на Оза. У нее на лице читается тревога за моего брата и страх перед ним. Я беспокоюсь не меньше, чем она. Оз никогда никого не обидит нарочно, но это не значит, что он не представляет опасности. Мо протягивает футляр от очков Озу, тот ставит его перед Бинго, и пес пьет. Когда Мо снова наполняет футляр снегом, дядя Боб говорит:

– Оз, поможешь мне вылезти? Мне нужно в туалет. Наверняка Бинго тоже нужно проветриться.

Я радуюсь, что он разработал такой хитроумный план. Отлично, дядя Боб. Оза нужно отвлекать: так с ним проще всего сладить.

Когда все трое покидают фургон, слышится вздох облегчения. Мо вырывает из книжки несколько лишних страниц, чтобы развести костер побольше и растопить больше снега. Она передает следующую порцию воды тете Карен, и та жадно ее выпивает. Тогда я выбираюсь наружу – проверить, сумеет ли дядя Боб отвлечь Оза, чтобы Мо успела растопить воду и для себя.

– Финн, – говорит Оз, заметив у колеса мой труп. Все мое тело, кроме лица, занесено снегом.

– Она спит, – говорит дядя Боб, подпрыгивая на невредимой правой ноге, чтобы согреться. Он спрятал руки в карманы, а подбородок уткнул в воротник куртки.

Оз косится на меня. Мой брат не умен, но на удивление восприимчив, обычно он сразу чувствует вранье. У него тяжелеет лицо, он выпячивает нижнюю губу и принимается качать головой вперед-назад.

– Моя Финн, – говорит он, и у меня щемит сердце.

А потом он делает нечто невероятное. Не говоря больше ни слова, он подходит ко мне, опускается на колени и засыпает мне лицо снегом.

– Спокойной ночи, Финн, – говорит он, закончив.

Едва он распрямляется, как дядя Боб говорит ему:

– Знаешь, Оз, я переживаю.

От тона, которым сказаны эти слова, у меня волосы встают дыбом. Оз наклоняет голову вбок.

– Твоя мама ушла так давно. Вдруг она заблудилась?

Оз хмурит брови, а у меня учащается пульс.

– Наверное, кто-то должен пойти ее поискать, – говорит дядя Боб.

Оз кивает.

– Я бы пошел, – говорит дядя Боб, – но у меня с ногой неполадки.

Я мотаю головой. Я не могу поверить в то, что слышу, и поэтому даже толком не успеваю испугаться.

– Я могу пойти. – Оз соглашается с такой радостью, словно предложение дяди Боба просто гениально.

НЕТ! Я встаю прямо между ними так, что чуть не касаюсь носом лица дяди Боба. Не делай этого!

– Думаешь, ты сможешь ее отыскать? – спрашивает дядя Боб и поднимает бровь, словно восхищаясь решимостью Оза.

– Бинго может пойти со мной, – говорит Оз. – Он найдет любого. Когда мы с Финн играем в прятки, Бинго всегда ее находит, хотя Финн хорошо прячется. – Замечательная мысль.

Пожалуйста, умоляю я. Прошу, дядя Боб, подумайте, что вы делаете.

– Если Бинго пойдет с тобой, – продолжает дядя Боб, – он поможет вам с мамой найти дорогу назад.

Я поворачиваюсь к Озу. Он кивает с серьезным видом и выглядит сейчас точно так же, как папа, когда тот ведет важный «мужской» разговор. Мо, помоги, кричу я. Но Мо ни о чем не подозревает. Она в фургоне, пытается поскорее растопить воду и надеется, что Оз не вернется прямо сейчас.

– Прежде чем ты пойдешь, – говорит дядя Боб, – у меня есть для тебя предложение.

Оз все с тем же папиным выражением на лице снова кивает, и я холодею от ужаса. Я думала, что ситуация не может стать еще хуже. Очевидно, я ошибалась.

– Вам с Бинго нужны силы, чтобы найти маму. Вам понадобится еда.

– Я хочу есть, – говорит Оз.

– Я понимаю. Так вот, у меня есть две пачки крекеров. – Дядя Боб вытаскивает из кармана две обернутые в целлофан упаковки крекеров, которые лежали в сумке у тети Карен. – Меняю их на твои перчатки.

Я уже больше ни о чем не прошу. Я, не веря своим глазам, в ужасе смотрю, как Оз, ни секунды не колеблясь, соглашается на предложение дяди Боба, отдает ему перчатки и забирает печенье с таким видом, словно совершил самую выгодную в мире сделку.

– Подсади меня, – говорит дядя Боб, и Оз, сцепив руки, помогает ему забраться на фургон.

Дядя Боб не оборачивается, не желает Озу удачи. Он открывает дверцу и залезает внутрь, а Оз и Бинго остаются снаружи, наедине с невыполнимой задачей отправиться в чащу леса и отыскать там маму.

16

Ветер крепчает. Я вижу это по тому, как он натягивает кожу на мамином лице, по тому, как она склоняется под его порывами, из последних сил заставляя себя идти вперед. Она теряет силы, теряет веру в успех. Уже день, они идут с раннего утра, но не понимают, удалось ли им приблизиться к цивилизации или, наоборот, они уходят от нее все дальше. Вот почему сейчас им так легко утратить надежду. Мама старательно следила за тем, чтобы солнце все время было у них за спиной, но они много раз сворачивали, и она уже не знает, где городок: то ли все еще впереди, на севере, то ли они его уже прошли.

Когда они натыкаются на овраг, заполненный глубоким снегом и белой змеей вьющийся среди острых камней, я кричу, что им нужно идти вдоль него. Дорога наверху. Я посылаю маме все свои силы до последней капли, убеждаю ее свернуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Вариант игры в баскетбол для трех и более игроков и двух мячей. Игроки выстраиваются в линию, первый игрок бросает мяч в корзину; в момент, когда он выпускает мяч из рук, второй игрок также бросает свой мяч в корзину. Если первый игрок попадает в корзину, он передает мяч третьему игроку; если нет, продолжает бросать, пока не попадет. Если первым в корзину попадает второй игрок, то первый игрок выбывает. (Здесь и далее примечания переводчика.)

2

В американском футболе финальная игра за звание чемпиона Национальной футбольной лиги США.

3

Бенадрил (в России – димедрол) – антигистаминный препарат, оказывающий седативное и снотворное действие.

4

Главный герой американского телесериала «Секретный агент Макгайвер», умный и находчивый персонаж, обладающий энциклопедическими знаниями.

Купить: https://tellnovel.com/ru/redfern_s-yuzan/v-odno-mgnovenie

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)